
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 19 МАЙ 1980

ЛЕ

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 19 (2756)

8 МАЯ 1980

1 МАЯ 1980 ГОДА

Фоторепортаж с Красной площади вели
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. БОЧИНИН,
А. ГОСТЕВ, А. НАГРАЛЬЯН

ЛЕНИНГРАД

КИЕВ

ТАШКЕНТ

ДУШАНБЕ

ВЛАДИВОСТОК

Фото ТАСС

РИГА

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ» ЗА 1979 ГОД

Урхо К. КЕККОНЕН,
Президент Финляндской Республики.

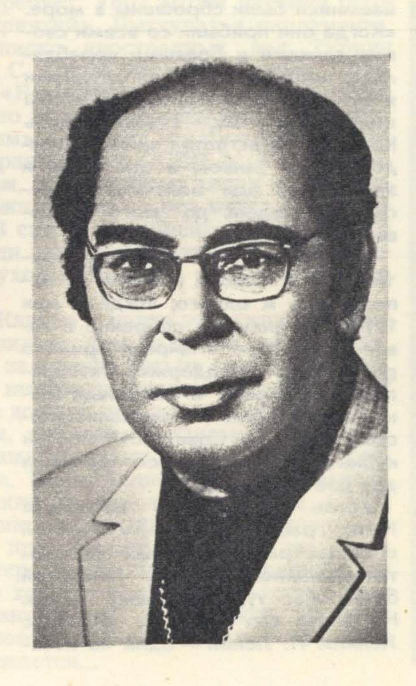
Ле ЗУАН,
Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Вьетнама.

Мигель ОТЕРО-СИЛЬВА,
писатель, общественный деятель (Венесуэла).

Эрве БАЗЕН,
писатель, общественный деятель (Франция).

Абдуррахман аль-ХАМИСИ,
писатель, общественный деятель (Арабская Республика Египет).

8 МАЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СО ДНЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КУБА И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

РУКОПОЖАТИЕ ЧЕРЕЗ ОКЕАН

В тот январский день вся Гавана вышла на улицы, чтобы приветствовать повстанческую армию, армию победившей революции. Весь мир облетела фотография, на которой улыбающийся Фидель Кастро с башни танка приветствует радостно встречающие его толпы народа. А через два дня, 10 января 1959 года, Советский Союз признал Революционное правительство Кубы. В истории отношений между двумя странами началась новая эпоха. Одна из ее знаменательных дат — 8 мая 1960 года, когда были восстановлены дипломатические отношения между двумя странами, разорванные в 1952 году в результате провокации реакционного правительства Батисты.

Трудными были первые годы молодой республики. Американские империалисты взяли остров Свободы в тиски блокады. Они отказались покупать кубинский сахар, прекратили поставки нефти, использовали саботаж и диверсии и, наконец, прибегли к военной интервенции, высадив на Плайя Хирон вооруженных бандитов в апреле 1961 года.

В самые критические дни на помощь Кубе пришел Советский Союз. Наша страна предоставила рынок для кубинского сахара, прислала к ее берегам танкеры с советской нефтью. В феврале 1960 года было подписано первое экономическое соглашение между СССР и Кубой. Советский Союз пресек попытки американского империализма нанести поражение кубинской революции. А когда в залив Кочинос вошли десантные суда с наемниками ЦРУ, Советское правительство твердо и решительно заявило, что не оставит кубинский народ в беде и окажет ему всю необходимую помощь в отражении вооруженного нападения. Как известно, через 72 часа наемники были сброшены в море. «Когда они прибыли со всеми своими танками и боевыми кораблями, с противотанковыми орудиями и автоматическим оружием, чтобы высадиться у нас,— сказал Фидель Кастро,— их встретил шквал снарядов, огонь танков, а эти танки и эти орудия мы получили за несколько недель до этого из Советского Союза».

Республике Куба шел тогда третий год. А Стране Советов не исполнилось и одного, когда 1 мая 1918 года рабочее собрание в гаванском театре «Пайрет» приняло резолюцию в поддержку Октябрьской революции и ее вождя Ленина. Во время империалистической блокады Советской России кубинские трудящиеся провели для нее сбор средств.

...Если вы захотите попасть в Реглу, рабочий район кубинской столицы, расположенный на противоположном берегу Гаванской бухты, вас туда доставит катер. На борту его надпись: «Николас Ленин». Н. Ленин — один из псевдонимов Ильича. Катер этот сменил моторную лодку с тем же названием, которая первый раз пересекла Гаванскую бухту солнечным ноябрьским утром 1927 года, ровно десять лет спустя после победы Октября. Больше полувека плавала моторка с именем Ленина на борту. Маевки жители Реглы проводили на холме, которому дали имя Ленина. Во время диктатуры Мачадо в 1930 году полицейские срубили там оливковое дерево, посаженное в память об Ильиче в год его смерти. Но рабочие Реглы посадили новое. Оно зеленеет и теперь, а рядом появился детский сад, куда ходят наследники тех, кто первыми на Кубе приветствовал родину Октября.

Двадцать лет отношений между Советским Союзом и Кубой — это два десятилетия плодотворного развития политических, экономических и культурных связей между двумя странами.

В какой бы уголок Кубы вы ни приехали, вам обязательно с гордостью покажут объекты, ставшие символом советско-кубинской дружбы. В Моа это никелевый завод, в Ольгине — больница имени Ленина, в Гаване — новый рыбный порт. У причалов Гаваны вы наверняка встретите корабли под флагом нашей Родины. А первое судно Страны Советов пришло к берегам Кубы в 1925 году. Правительство диктатора Мачадо не разрешило большевистскому кораблю зайти в порт. Ночью, когда «Вацлав Воровский» стоял на рейде, к нему вплавь добрался человек, вручивший советским морякам кубинский национальный флаг. Это был Хулио Антонио Мелья, основатель коммунистической партии на Кубе. Его имя носит советское судно, которое первым в 1980 году отправилось к берегам острова Свободы. Это танкер «Хулио Антонио Мелья». Всего в минувшем году советские торговые суда совершили около двух тысяч заходов в кубинские порты. Мост через океан — мост дружбы — действует бесперебойно.

Н. КРЫЛОВА

Делегация КПСС в зале заседания.

МИР—ОБЩЕЕ

28—29 апреля в Париже состоялась встреча коммунистических и рабочих партий Европы за мир и разоружение. Встречу от имени инициаторов ее созыва — Французской компартии и Польской объединенной рабочей партии — открыл член Политбюро ФКП, секретарь ЦК ФКП М. Гремец.

В первый день на встрече выступил глава делегации Коммунистической партии Советского Союза, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев. Б. Н. Пономарев передал руководству партий, присутствовавших на встрече, привет от советских коммунистов, от Политбюро ЦК КПСС, от Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Делегация КПСС, сказал он, считает нужным отметить неотложность и срочный характер данной встречи. Необходимо оперативно и по-деловому проконсультироваться относительно сложившейся политической обстановки и главное — шагов, которые могли бы быть предприняты против военной угрозы, нависшей над Европой, над всем миром. США и НАТО делают ставку на долговременную, нарастающую гонку вооружений и блокирование переговоров по разоружению, на подрыв сложившегося в мире военного равновесия, на отказ от принципа равенства и одинаковой безопасности. Это — линия на конфронтацию со странами социализма. Это — курс на неприкрытое вмешательство, в том числе военное, в дела других государств и народов в интересах монополий, в целях установления господства американ-

Фото О. Карасева и В. Шашкова (ТАСС)

ДОСТОЯНИЕ

ского империализма над многими странами и районами мира. Для нас, коммунистов, сказал Б. Н. Пономарев, особое значение имеет тот факт, что ключевой вопрос современности — вопрос о войне и мире — встал вновь с такой остротой как раз тогда, когда мир переживает колоссальные прогрессивные перемены.

Прочный заслон угрозе войны, сказал Б. Н. Пономарев, могут возвести лишь объединенные усилия европейцев и тех, кто живет в социалистической Европе, и тех, кто живет в капиталистической ее части. Ибо мир, безопасность народов и социализм — неделимы. Что касается Советского Союза, подчеркнул Б. Н. Пономарев, то ни у кого не должно быть сомнений, что и сейчас, в этой напряженной, взрывоопасной обстановке он выполнит свой долг — долг миролюбивой державы.

Участники встречи обратились к народам европейских стран с призывом «За мир и разоружение». В нем, в частности, говорится:

«Мы, коммунисты всех стран Европы, готовы, когда речь идет о борьбе за мир и разоружение, к любому диалогу, к любым переговорам, к любым совместным действиям. Мы хотим, чтобы с этой целью все миролюбивые силы объединились. Какими бы ни были наша национальность, наши убеждения, наш образ жизни, мы говорим вам всем, коммунистам, социалистам, социал-демократам, христианам, людям других вероисповеданий:

«Мир — это наше общее достояние!»

ЭСКАЛАЦИЯ БЕЗРАССУДСТВА

Владимир НИКОЛАЕВ

Газета «Нью-Йорк пост» назвала военную авантюру Вашингтона в Иране трагической ошибкой. Не слишком ли мягко сказано при всей эмоциональности этого выражения? Ведь эта «ошибка» вовсе не случайна. Она является следствием, продолжением той самой политики, которую не назовешь иначе, как эскалация безрассудства. Еще задолго до этой «ошибки» нынешняя американская администрация начала сворачивать с курса разрядки и нагнетать напряженность. Близившиеся к успешному завершению переговоры по ОСВ-2 были заведены американской стороной в тупик. По настоянию Вашингтона были разработаны планы превращения Западной Европы в ракетно-ядерный полигон. Такая политика, повторяем, родилась не сегодня и даже не вчера. Еще в мае 1978 года на вашингтонской сессии совета НАТО был сделан новый рывок в гонке вооружений. По настоянию США другим членам агрессивного военного блока было предписано ежегодно повышать военные расходы на три процента, а сами Соединенные Штаты взяли на себя еще более высокий темп — до пяти процентов в год. Недавно было объявлено, что 14 мая в Брюсселе соберется специальная сессия совета НАТО. Западные средства информации придают ей особое значение. Как сообщило агентство Ассошиэйтед Пресс, «видный сотрудник Пентагона» заявил, что «кризис в районе Индийского океана и Персидского залива дает в руки США рычаг для воздействия на союзников».

То, что газета «Нью-Йорк пост» назвала трагической ошибкой, имеет глубокие корни. Американская пресса писала по поводу авантюры в Иране как о попытке произвести там переворот силами тайных агентов США и «пятой колонны», созданной Центральным разведывательным управлением. «Стоит задуматься над тем,— пишет газета «Дейли уорлд»,— не планировался ли заранее подготовленный и организованный ЦРУ бунт против правительства Ирана... Этот трюк ЦРУ уже отработало в 1953 году в процессе свержения правительства Мосаддыка и возвращения на трон шаха». И совершенно справедливо в Иране отмечают, что действиями Вашингтона руководило не стремление освободить заложников, а желание уничтожить революцию. Да, в Вашингтоне сильно тоскуют по вчерашнему Ирану, порабощенному США и привязанному к его военной колеснице! Недаром египетские власти, активно участвовавшие в этой американской авантюре, держали в курсе событий бывшего иранского шаха.

В диверсионной американской акции есть еще один примечательный аспект. Как известно, европейские союзники США под сильным нажимом Вашингтона приняли решение об экономических и дипломатических санкциях против Ирана. Сторонники их принятия утверждали, что такое решение якобы поможет удержать США от рискованных военных шагов. И сами Соединенные Штаты заверяли своих европейских союзников, что если те поддержат США в санкциях против Ирана, то необходимость в военных действиях отпадет. Одновременно с такими заверениями Вашингтон готовил свою авантюру и тайно от союзников отдал приказ начать ее. Лицемерие и обман — как иначе можно охарактеризовать такую политику, не говоря уже о ее безрассудстве?

Вполне понятно возмущение такой политикой, высказанное во французском журнале «Нувель обсерватер»: «Западная Европа боится, что она первой будет расплачиваться за трагический провал американской военной интервенции». Западногерманская газета «Генераль-анцайгер» требует: «Мы хотим наконец быть застрахованными от новых неожиданных предприятий». Выступая в парламенте, осудил американские действия в Иране министр иностранных дел Турции Х. Эркмен. Министр иностранных дел Японии С. Окита назвал действия США «вызывающими сожаление» и «непонятными». «Безответственная акция Картера ставит под угрозу дело мира», «Путь силы — это не решение вопроса. Он может привести лишь к еще более тяжелым трагедиям»,— пишут итальянские газеты. На пресс-конференции в Париже министр иностранных дел СССР А. А. Громыко сказал: «Мы осуждаем эту акцию. Мы не думаем, что подобные акции могут привести к решению проблемы. Единственно возможный путь — это мирный путь ее решения. Этим путем и должны идти США». В самих Соединенных Штатах эта авантюра Вашингтона вызвала возмущение среди широких политических и общественных слоев, о чем убедительно говорит и уход в отставку государственного секретаря США С. Вэнса.

В интервью газете «Вашингтон пост» Дж. Картер в марте этого года заявил: «Чем более рискованные акции применяет президент, тем более он популярен». В разгар избирательной кампании в США такое заявление весьма симптоматично. Сколько же можно рисковать судьбами мира в интересах предвыборной борьбы? Казалось бы, провал военной авантюры в Иране должен отрезвить вашингтонских политиков. К сожалению, факты говорят о том, что они не извлекли должного урока. Вашингтон продолжает выступать с новыми угрозами в адрес Ирана, расширяет свое военное присутствие у его берегов. Ближайшие сотрудники американского президента, его советник З. Бжезинский и министр обороны США Г. Браун, в своих выступлениях по телевидению после провала авантюры не только не сожалели о содеянном, но и обещали придерживаться такого же курса в будущем. А вот как описывает реакцию Картера на случившееся французская газета «Матэн»: «Он даже не делает вида, что хочет что-нибудь объяснить (мы уже не осмеливаемся произнести слово «извиниться»). Самое большее — он «огорчен». Уж не означает ли это, что в его голове зреют новые, еще более опасные замыслы?» Эскалация безрассудства продолжается...

ШТУРМ БЕРЛ

В. И. ЧУЙКОВ,
Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза

Передо мной дневник генерал-полковника Ф. Гальдера — начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии, который, несомненно, был не только посвящен в планы войны против Советского Союза, но, наверное, активно участвовал в разработке плана «Барбаросса». Генерал-полковник Гальдер на 12-й день войны, 3 июля 1941 года, писал: «В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии... выполнена... Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14-ти дней».

Но получилось то, чего Гитлер и его штаб не предвидели.

Через несколько лет тяжелых и кровопролитных сражений советские войска подошли к Берлину. В их составе была и 8-я гвардейская армия, которой я тогда командовал.

Гарнизон Берлина, оказавшись в окружении, капитулировать не собирался. Фашистские главари потребовали от своих солдат сражаться до последнего патрона и тем самым обрекли мирное население столицы и ее военный гарнизон на верную гибель.

Перед армиями 1-го Белорусского фронта, а именно: 3-й и 5-й ударной, 8-й гвардейской, 1-й и 2-й гвардейскими танковыми и подошедшими с юга войсками 1-го Украинского фронта стояла одна общая, очень важная по своему политическому и военному значению задача — разбить берлинский гарнизон и захватить фашистское руководство.

Начался штурм... Гитлер пошел на последнее и самое тяжкое преступление против своего народа. Он, Гитлер, заставил бессмысленно умирать тысячи и тысячи немцев, которым вручил оружие и под присягой принудил идти под губительный огонь, на гибель, на неминуемую смерть.

Гитлер, Геббельс, Борман и другие фашистские главари, видимо, вопреки всему все же надеялись на раскол антигитлеровской коалиции, хотели сохранить нацизм, как дерево, потерявшее лишь на время листья.

С 25 апреля войска 8-й гвардейской армии, перестроив боевые порядки для городского боя, как это мы делали в Сталинграде, начали наступление на центр Берлина с юга. Армия вела боевые действия мелкими штурмовыми группами и штурмовыми отрядами, днем и ночью, шаг за шагом овладевая все новыми и новыми кварталами. Если посмотреть на карту, то будет видно, что полосы наступления наших дивизий постепенно суживаются и к центру Берлина напоминают остро заточенные пики.

За первый день боев штурмовые отряды армии продвинулись вперед к центру города на три, а на отдельных участках на четыре километра.

Нелегко было действовать в таких условиях. Гвардейцам приходилось с боем брать каждый дом. Так, штурмовой группе младшего лейтенанта Василия Черняева из 220-го гвардейского полка 79-й гвардейской дивизии была поставлена задача — выбить противника из большого каменного дома, расположенного на перекрестке двух улиц — Альт-Маркен и Таркендорфштрассе. Немцы сильно укрепили этот дом. В подвале они установили малокалиберную пушку и расположили группу автоматчиков. На втором этаже находились стрелки и крупнокалиберный пулемет. Гарнизон дома имел огневую связь с соседним зданием.

Командиру станкового пулемета Николаю Власенко и двум расчетам противотанковых ружей лейтенант Черняев приказал бить по окнам дома. Одновременно 45-миллиметровая пушка сержанта Петра Василевского должна была открыть огонь по пулемету, уничтожить его и затем подавлять вновь появляющиеся огневые точки.

Бронебойщики, пулеметчики и артиллеристы открыли сильный огонь. Под его прикрытием группа Черняева двинулась на штурм.

Гитлеровцы попрятались за стенами здания и на время ослабили огонь. Этим воспользовались наши бойцы. Стреляя на ходу, штурмовая группа сержанта Ивана Трубачева первой приблизилась к дому. Бойцы метнули в двери и окна подвала гранаты и, ворвавшись в первый этаж, перебили расчет вражеской пушки и автоматчиков. Вслед за штурмовой группой Трубачева в дом ворвались бойцы группы закрепления успеха под командой сержанта Федора Никитина.

В то время, когда штурмовая группа Черняева атаковала дом, бойцы лейтенанта Михаила Белявского и младшего лейтенанта Виктора Романова при поддержке минометчиков и артиллеристов заняли второй угловой дом.

На пути к аэродрому Темпельхоф нашим частям предстояло форсировать канал Тельтов. Первым прорвался к берегу канала штурмовой отряд 39-й гвардейской дивизии во главе с лейтенантом Дмитрием Нестеренко. Дым пожаров окутал прибрежные постройки так, что трудно было разглядеть противоположный берег. Противник, находящийся на другой стороне, не заметил подхода гвардейцев к каналу. Воспользовавшись этим, лейтенант Нестеренко приказал: первой штурмовой группе под прикрытием дыма форсировать канал и овладеть многоэтажным домом на противоположной стороне. Мост через канал был взорван и осел в воду. Однако пробраться по мосту все же было возможно, если бы не огонь фашистских пулеметчиков и снайперов, который преграждал подходы к нему.

Тогда артиллеристы сделали огневой налет по домам, в которых засели гитлеровцы. После этого фашистские огневые точки умолкли, и штурмующая группа во главе со старшим сержантом Андреем Анисьевым бросилась через мост.

Натиск гвардейцев был стремителен, действовали они умело. Каждую комнату, каждый коридор автоматчики сначала прочесывали огнем и забрасывали гранатами, а потом уже устремлялись вперед. Фашисты не выдержали и побежали.

Говоря о боях нашей армии в Берлине, нельзя не упомянуть о связисте старшине Алексее Бурмашове. Я знал его по боям на Висле и Одере. Подробно о его действиях в Берлине рассказали его друзья.

...Взвод связи гвардии старшины Бурмашова должен был одним из первых переправиться на противоположный берег Шпрее, чтобы своевременно дать связь нашим наступающим частям.

Немцы упорно сопротивлялись. Снаряды и мины, падая в реку, поднимали каскады брызг. Маленькая рыбачья лодка, на которой плыли гвардии старшина Бурмашов и телефонист Кошелев, казалось, вот-вот перевернется. Но она прошла сквозь огонь и достигла берега. С винтовками и катушками в руках Бурмашов и Кошелев выпрыгнули на землю и тут же начали тянуть провод. Немцы, заметив телефонистов, обрушили на них огонь. Убит Кошелев. Бурмашов то ползком, то бегом, под яростным обстрелом противника, тянул за собой кабель. И вскоре на командном пункте услышали его знакомый голос:

— «Орел», «Орел», вы меня слышите? Это я — «Рябина»...

Шел упорный бой за центральный аэропорт Темпельхоф. Гвардии старшина Бурмашов вместе со своими бойцами быстро обеспечивал подразделения связью. Нужно обладать большой силой воли и мужеством, чтобы в вихре осколков взбираться на телефонный столб, стоящий под огнем, и соединять там провода!

Когда полк подошел к аэропорту, Бурмашов спешил дать связь в здание, в которое ворвались наши передовые группы. С катушкой кабеля он бежал по улице. Перекресток. По одиноко бегущему человеку со всех сторон бьют немецкие автоматчики и минометы. Осталось десять метров до здания, где вели бой наши штурмовые группы, когда осколок вражеского снаряда попал ему в грудь. Зажав рукой рану, Бурмашов крикнул бойцам:

— Держите связь!

А сам упал на мостовую.

Это были последние метры из тысяч километров телефонной связи, проложенной Бурмашовым за годы войны. И последняя его линия пролегла по улицам германской столицы.

В подземных ангарах аэропорта Темпельхоф стояли самолеты, полностью заправленные горючим, готовые к взлету в любую минуту. Возле них круглые сутки дежурили экипажи, которым в прошлом доверялось перебрасывать по воздуху в разные концы Германии Гитлера, Геббельса, Бормана и других руководителей третьего рейха. Но на этот раз они не смогли подняться в воздух. Наши артиллеристы обстреливали аэродром и его взлетные полосы. Штурмовые отряды, усиленные танками, огнем орудий и пулеметов, закупорили самолеты под землей.

К полудню 26 апреля аэродром и весь аэропорт Темпельхоф, с ангарами и узлами связи, включая главное здание, оказались в наших руках.

В ночь на 27 апреля я перенес свой командно-наблюдательный пункт ближе к переднему краю, на Белле-Алионсештрассе. Теперь эта улица находится в Западном Берлине и называется по-новому — Мерингдамм.

Я останавливаюсь на этих деталях потому, что этому помещению довелось стать местом событий, которые тесно связаны с историей заключительного этапа войны.

Перед нашими войсками, наступающими на Тиргартен с юга, встретились новые препятствия, и главное из них — канал Ландвер. Там, за каналом, в четырехстах метрах, располагались главные государственные учреждения и министерства третьего рейха, в том числе и имперская канцелярия, где укрывался Гитлер со ставкой, а чуть дальше на север—рейхстаг.

В этот же день соседние армии, наступав-

ИНА

шие к центру Берлина с востока и севера, также вышли к берегам Шпрее.

Тиргартен — остров, омываемый со всех сторон водами Шпрее и каналов. Оборонялся он отборными войсками СС, охранными батальонами правительства и войсками 56-го танкового корпуса.

Вечером 27 апреля, выслушав доклады командиров корпусов и отдельных частей, а также проведя личную рекогносцировку местности, я приказал дать полусуточный отдых наступающим частям, не ослабляя вместе с тем сковывающих противника действий. Общий штурм правительственных кварталов решено было начать в 12 часов 28 апреля.

Одна из наиболее важных задач стояла перед нашими артиллеристами и минометчиками. Им следовало отработать огневое взаимодействие и взаимную связь с артиллеристами других армий, наступающих на правительственные кварталы с востока, севера и запада.

Вечером 30 апреля, когда я вернулся со своего наблюдательного пункта в штаб армии, в районе Иоганнисталя, мне позвонил командующий фронтом маршал Г. К. Жуков. Он спросил:

— Есть ли надежда, что к празднику Первого мая мы полностью очистим Берлин?

Я ответил, что, судя по сопротивлению противника, хотя оно и ослабевает, надежды на скорую капитуляцию у меня все же нет.

На этом наш разговор и закончился. Тут же дежурный сказал, что меня срочно вызывают к его телефону. Я прошел в комнату дежурного, взял трубку. Командир 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант В. А. Глазунов взволнованным и немножко приподнятым голосом доложил:

— На передний край 102-го гвардейского стрелкового полка 35-й дивизии прибыл с белым флагом подполковник германской армии с пакетом на имя командования русских войск. Он просит указать место и время для перехода линии фронта представителями верховного командования Германии.

— Ясно,— ответил я.— Скажите этому подполковнику: пусть он ведет их на том же участке, где перешел сам. Огонь на этом участке прекратить,— добавил я.— Парламентеров принять и направить на мой передовой наблюдательный пункт, куда я сейчас же выезжаю.

Затем, доложив обо всем по телефону маршалу Жукову, я в ночь на 1 мая выехал вместе с генералом Пожарским на НП, который находился в доме с черными колоннами, чтобы принять парламентеров верховного командования Германии.

Еще не зная, с чем придут парламентеры, я чувствовал, что назревают серьезные события.

Тут же я вызвал к телефону генерала Белявского, которому приказал прибыть ко мне с офицерами и переводчиками разведотдела штаба армии.

В три часа пятьдесят минут отворилась дверь, и в комнату вошел немецкий генерал с железным крестом на шее и фашистской свастикой на рукаве.

Присматриваюсь к нему. Среднего роста, плотный, с бритой головой и шрамами на лице. Правой рукой приветствует нас привычным фашистским жестом, левой подает мне документы. Это начальник генерального штаба Германии генерал Кребс. Вместе с ним вошли начальник штаба 56-го танкового корпуса полковник генерального штаба фон Дувфинг и переводчик. Они пришли из имперской канцелярии.

Весть о капитуляции гитлеровцев пришла в войска 2-го Белорусского фронта. Май 1945 года.

Фото А. Шайхета

Кребс, стараясь быть спокойным, произносит:

— Буду говорить особо секретно. Вы первый иностранец, которому я сообщаю, что тридцатого апреля Гитлер добровольно ушел от нас, покончив жизнь самоубийством.

Выслушав сообщение Кребса, я не торопясь, спокойно сказал:

— Мы об этом уже знаем.

Затем Кребс зачитал обращение Геббельса к Советскому Верховному Командованию, в котором говорилось: «Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера, мы уполномачиваем генерала Кребса в следующем:

Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочил Бормана установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс».

Кребс, зачитав заявление Геббельса, вручил мне еще один документ: полномочие, выданное начальнику генерального штаба генералу Кребсу на право ведения переговоров с русским Верховным Командованием.

Прочитав документ, я обращаюсь к генералу Кребсу:

— Кто сейчас замещает Гитлера?

— Геббельс. Он назначен канцлером. Но перед смертью Гитлер создал новое правительство во главе с президентом гросс-адмиралом Деницем.

Поднимаю телефонную трубку, вызываю маршала Жукова и докладываю ему:

— Ко мне прибыл начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Кребс. Он сообщил, что Гитлер покончил жизнь самоубийством. Геббельс, как канцлер, и Борман, как председатель нацистской партии, уполномочили Кребса вести переговоры.

Через минуту в телефоне слышится:

— Спросите Кребса, что они хотят — сложить оружие и капитулировать или заниматься переговорами о мире?

Я спрашиваю Кребса в упор:

— Идет ли речь о капитуляции и уполномочены ли вы ее осуществить?

— Нет, есть другие возможности.

— Какие?

— Разрешите и помогите нам собрать новое правительство, которое назначил Гитлер в своем завещании, и оно решит это в вашу пользу...

— Нам понятно, чего хочет ваше новое правительство,— заметил я,— тем более нам известна попытка ваших друзей Гиммлера и Геринга прозондировать почву у наших союзников.

После ряда уточнений с Москвой Кребсу дали окончательный ответ: никаких переговоров, только безоговорочная капитуляция перед всеми нашими союзниками.

Генерал Кребс удалился с нашего разрешения в имперскую канцелярию к Геббельсу, что означало разрыв всяких переговоров. Мы по всем инстанциям дали команду — дать максимум огня по объектам, в которых еще находились немцы, и перейти на окончательный штурм.

Недолго берлинский гарнизон оказывал сопротивление. В 0.40 минут 2 мая получаем телеграмму из штаба обороны Берлина о готовности капитулировать. И вскоре началась массовая капитуляция войск берлинского гарнизона.

В 6 часов 2 мая на мой командный пункт прибыл генерал артиллерии Вейдлинг со своим многочисленным штабом. Как командующий обороной Берлина, он тут же подписал приказ о капитуляции фашистской столицы.

Когда наши войска вошли во двор рейхсканцелярии, они в первую очередь увидели дымящийся сверток. В нем горели трупы Гитлера и его жены Евы Браун.

В здании имперской канцелярии были обнаружены трупы Геббельса, его жены и шести умерщвленных ими собственных детей.

Генерал Кребс лежал на полу с простреленной головой. Мартина Бормана не обнаружили.

Таков был бесславный конец фашистского третьего рейха.

Комбат.

Фото М. Альперта

ЭТОТ ДЕ

НАДЕЮСЬ НА ЖИЗНЬ

У. Ф. Торбиевская.

Василий Торбиевский.

Я, Торбиевская Ульяна Федоровна, многодетная мать, награждена орденом «Материнская слава» 3-й степени. Мне 92 года. На моем жизненном пути было много трудностей. В 1936 году умер муж, участник гражданской войны, оставив семь человек детей и старую больную мать.

Я старалась воспитать детей добрыми, честными, справедливыми и трудолюбивыми. Не знаю, что было бы с ними, если бы не Советская власть. Большая забота Коммунистической партии, Советского правительства помог-

Атака конногвардейцев. Фото М. Савина

...НЬ ПОБЕДЫ

ла мне вырастить детей. Все они получили образование, работают в разных уголках нашей Родины. Все учились отлично и работают хорошо. Трое — учителя, трое — работники лесного хозяйства, сын Иван — механик корабля. Побывал во многих государствах.

24 июня 1941 года я проводила на войну сына Василия и дала наказ, чтобы честно служил Родине и стойко защищал ее от фашизма. Сына зачислили в военное артиллерийское училище города Подольска. В июле 1941 года Василий писал:

«Милая мамуля, за меня не беспокойся. Я не изменю нашей традиции — стойко защищать Родину, как защищал ее отец и как освобождал Болгарию от турецкого ига мой дед Торбиевский Петр Иванович. Занимаемся по 12 часов в сутки, и я стараюсь все схватить, чтобы метко и умело бить врага».

С первых дней в училище Василий проявил себя с хорошей стороны, стал коммунистом. Присылали мне за сына благодарности. Вот что написано в одной из них:

«Уважаемая Ульяна Федоровна! В нашем училище учится ваш сын Василий. За короткий срок сумел зарекомендовать себя как дисциплинированный воин, грамотный специалист, активный участник всех проводимых в училище мероприятий. Одним словом, Василий — настоящий защитник Родины. Мы горячо поздравляем Вас за воспитание сына».

...Гитлеровские полчища рвались к Москве. Защищали столицу и курсанты военных училищ. Восемь дней и ночей сдерживали натиск фашистов товарищи моего сына. Не уступили им ни пяди советской земли.

Никогда не зарастет народная тропа к Ильинскому полю, полю русской доблести, полю героических подольских курсантов. В селе Ильинском им воздвигнут памятник.

Я не знаю, где могила сына, а поплакать я в Ильинское приходила. В 1974 году с дочерью Марией и сыном Георгием побывала под Москвой, возложили венки к памятнику подольским курсантам, посетили места, где погиб Василий.

Начальник Подольского артиллерийского училища Иван Семенович Стрельбицкий написал документальную повесть «На Варшавском шоссе». Он приводит характерное высказывание пленных о действиях курсантов: «Это дьяволы в красных фуражках». Стрельбицкий прислал мне свою книгу и подписал: «Ульяне Федоровне Торбиевской в память о юных защитниках Москвы. Их матерям слава!» Я очень благодарна Ивану Семеновичу. Желаю ему долгих, безболезненных лет жизни.

Высылаю фотокарточку сына Василия и его письмо.

Живу я со старшей дочерью Марией (она учительница) и с зятем Иваном. Золотой человек. Никогда меня не обидел. Да вообще у меня не только мои дети хорошие, но и зятья, внуки. Все меня навещают, присылают посылки. К Новому году прислали посылки дочь Анна из Тувы и внук Виталий с Камчатки. А вчера получила посылку от внука Владимира из Владивостока. Вот какие у меня дети и внуки. Внуки служили в Советской Армии отлично.

У. Ф. ТОРБИЕВСКАЯ

Дорогие товарищи из редакции «Огонька»!

Мать наша грамотная, но она уже плохо видит, поэтому писала за нее я, ее дочь, Красавина Мария Васильевна, учительница истории. 33 года я отработала в одной школе. Шесть лет была секретарем комсомольской организации, потом секретарем партийной организации. Сейчас на заслуженном отдыхе. Награждена медалью «За трудовую доблесть» и грамотой Министерства просвещения, дипломом за активное участие в операции «Победа», посвященной 30-летию Победы.

Ближний бой. Фото Дм. Бальтерманца. Москва. 1943 год.

Муж мой, Красавин Иван Иванович, участник Великой Отечественной войны, дважды ранен, работает уже тридцать лет на тепловозоремонтном заводе имени Дзержинского. Имеет правительственные награды, десятки почетных грамот. Не подумайте, что хвалюсь, нет. Просто, чтобы вы имели представление о нашей семье.

С уважением

М. В. КРАСАВИНА

Воронеж.

«ПИСЬМО ВАСИЛИЯ ТОРБИЕВСКОГО

Здравствуй, милая мамочка!

Во-первых, спешу передать пламенный большевистский привет, пожелать тебе, мама, хорошего здоровья и долгих лет жизни на счастье всем нам. Еще передаю горячий привет Марии, Анне, Жоре, Марине, Дусе и маленькому Ванюше.

Получил ваше письмо и фотокарточку. Большое спасибо. Теперь вы все со мной. Дорогие мои Мария, Аня, Жора, Дуся, Марина, Ваня, все мы росли в трудных условиях без отцовской поддержки, нам не хватало отцовской ласки. Но наша мама не унывала. На людях всегда была спокойной, доброй, никому не жаловалась на свои трудности с нами. Где только она находила силы, крепилась. Но я не раз видел, как ты, наша милая мама, ночью переворачивала мокрую от слез подушку. Мы никогда не можем вспомнить детство, как солнечную пору. А теперь вы остались еще и без меня, без моей поддержки. Я уже писал вам, продайте мои вещи и купите, что нужно, а что подойдет Георгию, пусть носит. Только прошу вас всех, слушайте во всем нашу дорогую мамочку, помогайте ей во всем, берегите ее и не обижайте больную бабушку Анастасию. Она у нас очень желанная и добрая. Живите дружно, учитесь только отлично, будьте дисциплинированными.

Немного о себе. Живу хорошо. Сейчас нас, лучших курсантов, перевели в первый взвод для того, чтобы скорее усвоили свое дело и, получив определенное звание, пойти в бой с кровожадным извергом — фашизмом. Я буду честно своей грудью защищать любимую Родину.

Мама, за хорошее несение службы мне командир батареи объявил благодарность с отпуском в город на выходной. В городе сфотографируюсь и вышлю вам.

Я буду очень рад, когда после счастливой победы вернусь к вам. Ну, а если моя кровь будет пылать на нашем победном знамени Великой Отечественной войны, то знайте, что я умираю за Родину, честно исполнив свой долг. Только вы не плачьте обо мне. А когда кончится война, а она кончится нашей победой, приезжайте сюда и в любом месте под Москвой посейте красные гвоздики. Они очень красиво цветут. Это будет моей могилой. Быть может, вы ошибетесь. Там буду не я, а другой. Пусть. Другая мать, думая о своем, посеет гвоздики надо мной. Но я надеюсь на жизнь.

До счастливого свидания. Крепко обнимаю и целую всех вас.

10/XI 1941 г.

Василий.»

Фото Н. Грановского.

Елена Михайловна Чепелева не дождалась с войны сына и мужа...

Фото А. Волосникова (г. Чирчик)

ПОКОЛЕНИЕМ ОТЦА ГОРЖУСЬ

Сержант Вахит Яппаров. 1945 год.

В день Победы я расскажу об отце, Яппарове Вахите Камаловиче. Прочитав обращение в «Огоньке», я достал отцовский военный планшет, бывший с ним всю войну. Здесь хранятся его комсомольский билет, орденская книжка, справки о ранениях, наградах и справки Белорусского штаба партизанского движения от 6 ноября 1943 года.

Отец был пулеметчиком в партизанском отряде Погорелова бригады Захарова, представлен к медали «За отвагу». В первый бой с фашистами вступил 22 июня 1941 года. Был тяжело ранен. Потом вернулся в действующую армию и вел свой танк по Красной площади на параде Победы в сорок пятом!

В мирные дни получил медаль «За освоение целинных и залежных земель».

Мой дедушка и его три сына: Вахит, Фаат, Абдулахат — все были на войне. Сыновья вернулись, а дедушка пропал без вести.

Отец рассказывал, что пленных фашисты подвешивали за ноги, вниз головой. Так и его подвешивали день за днем. Очнулся он в яме среди мертвых. По канализационной канаве выбрался за пределы лагеря. В лесу наткнулся на расположение гитлеровцев. Двое суток он прятался в воде, держась за дерево и ныряя с камышинкой в зубах, когда приближались фашисты. Потом добрался до деревни, от которой остались одни печные трубы. Там его подобрали партизаны.

Мне хочется сказать: «Дорогой отец, горжусь твоим поколением и постараюсь быть его достойным».

Р. ЯППАРОВ

Темир, Казахская ССР.

САЛЮТ НА ЭЛЬБЕ

Война шла к концу. До Берлина оставались десятки километров. По дорогам навстречу нам, танкистам, шли освобожденные советскими солдатами узники фашистских лагерей с национальными флажками — английскими, американскими, французскими, да все трудно перечесть. Казалось, все страны томились в лагерях и тюрьмах гестапо. Люди улыбались, кланялись доблестным воинам Страны Советов, благодарили за избавление.

А наши ехали на танках, двигались в пешем строю в одном порыве — добить врага. Каждую сотню метров приходилось брать с боем. Однако ничто уже не могло удержать напора советских войск. Мы у стен столицы третьего рейха. И здесь нашей дивизии было приказано на танках совершить бросок на запад, к Эльбе. Свернуть перед самым Берлином? Но приказ есть приказ!

На одной из железнодорожных станций окружили три эшелона с солдатами, пушками, танками. На вагонах было написано: «Берлин». Мы отрезали пути подхода подкрепления к Берлину, тем самым помогли штурмующим войскам. Паровозы стояли под парами. Под наведенными стволами наших танковых пушек (раздалось только несколько пистолетных выстрелов — это стрелялись офицеры) гитлеровцы подняли руки. Начался их второй поход на Восток — только на сей раз в плен.

Через несколько дней к вечеру мы вышли к судоходному каналу от Эльбы. Увидев десятки наших танков и самоходных орудий, солдаты противника моментально меняли свастику на белые простыни. До Эльбы — несколько километров. Дороги забиты немецкими пушками, машинами, танками, и солдаты, бросая все, бежали к реке, чтобы сдаться американцам. И вот первый краснозвездный танк на берегу Эльбы, а она вся кишит: немцы переправляются на тот берег, кто на чем может. До этого противоположный берег молчал. А тут вдруг полыхнул огнем. Большинство спасающихся повернули обратно, однако немногие доплыли до нашей молчавшей стороны. Не могу понять, кто из американцев и зачем отдал приказ расстреливать плывущих в плен безоружных людей?

Настала тишина. Наши танки и пушки стояли в сосняке. Над Эльбой, на той стороне, через 250 метров развевались знамена союзников. Из лесов в сопровождении наших солдат выходили сотни немецких солдат с возгласами: «Гитлер — капут», «Война — капут».

Пал рейхстаг. На нашем участке — тишина. Вечером восьмого мая было установлено бессменное дежурство офицеров у телефона: ждали важного правительственного сообщения. Я сменил у аппарата парторга батальона. Через несколько минут запищал зуммер и чей-то голос прокричал: «Поздравляю с Победой!» Что тут произошло — трудно описать. С обеих берегов — американского и русского — били в воздух из всех видов оружия. Казалось, обе стороны старались расстрелять весь оставшийся боезапас, чтобы навеки покончить с войной. Думается, в эти часы американские солдаты, как и мы, верили — так и будет!

С тех дней прошло 35 лет. И мы слышим: Пентагон стремится снабдить своих союзников по НАТО новым оружием массового уничтожения. Американские деятели, спасая свои барыши, ввели в Персидский залив огромный флот, расширяют военные базы, угрожая миролюбивым народам. И все это под маркой «безопасности» Америки!

Я, младший лейтенант запаса Нечаев, бывшие узники гитлеровских концлагерей, солдаты войск союзников, которые там, на Эльбе, дарили нам на память часы и зажигалки, разве все мы хотим новой войны?

Сохранить мир, за который советский народ заплатил такой дорогой ценой, — вот чего мы хотим!

В. НЕЧАЕВ

пос. Средний Васюган,
Томская область

Стихи

Александр ТВАРДОВСКИЙ

•

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,—
Речь не о том, но все же, все же, все же...

1966.

Михаил ИСАКОВСКИЙ

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол,—
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945.

Александр ПРОКОФЬЕВ

ЯБЛОНЯ НА МИННОМ ПОЛЕ

Она в цвету. Она вросла в суглинок
И ветками касается земли.
Пред ней противотанковые мины
Над самыми корнями залегли.
Над нею ветер вьет тяжелым прахом
И катятся седые облака.
Она в цвету, а может быть, от страха
Так побелела?
Не понять пока.
И не узнать до осени, пожалуй.
И я жалею вдруг, что мне видна
Там, за колючей проволокой ржавой,
На минном поле яблоня одна.
Но верю я:
от края и до края
Над всей раздольной русской стороной
Распустятся цветы и заиграют
Иными днями и весной иной.
Настанет день такой огромной доли,
Такого счастья, что не видно дна!
И яблоня на диком минном поле
Не будет этим днем обойдена!

1944.

Анна АХМАТОВА

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что́ ныне лежит на весах
И что́ совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Февраль 1942.

Муса ДЖАЛИЛЬ

НЕ ВЕРЬ!

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал он, упал»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если верят в меня.

Кровью со знамени клятва зовет:
Силу дает мне, движет вперед.
Так вправе ли я устать и отстать?
Так вправе ли я упасть и не встать?

о войне

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошел воевать
В бой за тебя и за Родину-мать.
Тебе изменить? И Отчизне моей?
Да что же останется в жизни моей?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Погиб он, Муса уже мертвый»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят тебя.

Холодное тело засыплет земля,—
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто тебя мертвым
Посмеет назвать, если был ты борцом?!

Перевод с татарского.

20 ноября 1943.

Михаил ЛУКОНИН

ПРИДУ К ТЕБЕ

Ты думаешь:
Принесу с собой
Усталое тело свое.
Сумею ли быть тогда с тобой
Целый день вдвоем?
Захочу рассказать о смертном дожде,
Как горела трава,
А ты —
и ты жила в беде,
Тебе не нужны слова.
Про то, как чудом выжил, начну,
Как смерть меня обожгла.
А ты —
ты в ночь роковую одну
Волгу переплыла.
Спеть попрошу,
а ты сама
Забыла, как поют.
Потом
меня
сведет с ума
Непривычный уют:
Будешь к завтраку накрывать,
А я усядусь в углу,
Начнешь, как прежде,
стелить кровать,
А я
усну
на полу.

Потом покоя тебя лишу,
Вырою щель у ворот,
Ночью,
вздрогнув,
тебя спрошу:
— Стой! Кто идет?!
Нет,
не думай, что так приду.
В этой большой войне
Мы научились ломать беду,
Работать и жить вдвойне.
Не так вернемся мы!
Если так,
То лучше не приходить.
Придем — работать,
курить табак,
В комнате начадить.
Не за благодарностью я бегу —
Благодарить лечу.
Все, что хотел, я сказал врагу,
Теперь работать хочу.
Не за утешением —
утешать
Переступлю порог.
То, что я сделал, к тебе спеша,
Не одолженье, а долг.
Друзей увидеть, в гостях побывать,
И трудно
и жадно жить.
Работать — в кузницу,
спать — в кровать.
Стихи про любовь сложить.
В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой.
Но лучше прийти
с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

1944.

Сергей ОРЛОВ

●

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

Июнь 1944.

Юлия ДРУНИНА

●

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

1943.

НЕИЗВЕСТНАЯ МЕДАЛЬ

Тридцать пять лет прошло после победного 1945 года, но нет-нет да и напомнит чем-нибудь о себе война. Находятся иногда вещи, через которые раскрываются героические или трагические судьбы людей, какие-то новые грани военных лет.

Передо мной лежит медаль с надписью «Память о Берлине», а на другой стороне изображение Бранденбургских ворот и дата — 1945.

У этой медали есть легенда, которая рассказывает, что в день окончания войны в поверженном советскими войсками Берлине состоялись торжества с приглашением на них наших военачальников и наиболее отличившихся в штурме фашистского логова офицеров. Здесь-то якобы жители германской столицы — антифашисты и вручили участникам торжества эти медали.

Возможно, на самом деле это было не так. Встречи и беседы с активными участниками штурма Берлина, с работниками музеев страны, в том числе обращение в Центральный музей Вооруженных Сил СССР и в газету «Берлинер цайтунг», не дали нужного ответа. А ведь он должен быть.

Может быть, читатели «Огонька» помогут выяснить историю этой медали?

В. КРАЙНОВ,
начальник отдела искусств и учебных заведений Министерства культуры Мордовской АССР

Саранск.

●

БОЙЦАМ, НЕ ЗНАВШИМ ОТСТУПЛЕНИЙ

Михаил ДУДИН

Мемориальная стена. Фото Ю. Щенникова

Гангут... В историю русской боевой славы название этого полуострова, господствующего над выходом из Финского в Ботнический залив, вписано красной строкой.

27 июля 1714 года в стремительном и яростном сражении со шведами русские моряки одержали здесь свою первую замечательную победу, которую Петр I по значимости сравнивал с Полтавой. Полтава доказала миру мощь нашей сухопутной армии. Гангут возвестил о рождении русского военного флота, с которым отныне приходилось считаться любому противнику.

А через 227 лет гарнизон военно-морской базы ВМФ на Гангуте (Ханко) совершил новый подвиг. Краснофлотцы, летчики, пехотинцы, артиллеристы сорвали замысел фашистов, пытавшихся пробиться к Ленинграду со стороны моря.

Родина не забыла их мужества. Именами гангутцев Героев Советского Союза П. А. Бринько и Н. П. Симоняка названы переулок и улица в Ленинграде. А в канун 35-летия Победы исполком Ленсовета принял решение об организации в городе военно-патриотического музея «Гангутский мемориал». Инициатива его создания принадлежит ленинградскому поэту, участнику обороны Ханко, Герою Социалистического Труда М. А. Дудину.

Сегодня мы публикуем письмо Михаила Александровича, адресованное им товарищам по оружию, всем ветеранам боев за город, носящий имя Ленина.

Есть в Ленинграде на пути от Летнего сада к Литейному проспекту по улице Пестеля Пантелеймоновская церковь, прекрасное творение архитектора И. Коробова. Эта церковь построена в тридцатых годах восемнадцатого века в честь победы русского флота при Гангуте в 1714 году и при Гренгаме в 1720 году. С этих побед начинается слава русского флота, и оба эти сражения волею судеб происходили в один и тот же день 27 июля.

А напротив церкви на фасаде дома № 11, который выполнен в форме мемориальной стены-памятника, бросаются в глаза рельефно выпуклые слова:

«СЛАВА МУЖЕСТВЕННЫМ ЗАЩИТНИКАМ ПОЛУОСТРОВА ХАНКО!»

Это памятник достойным наследникам петровской славы — бесстрашным героям Балтики, героям Великой Отечественной войны. Героям, которые 165 дней и ночей в 450 километрах западнее Ленинграда, на этих дальних подступах, удерживали (и удержали, ни один фашистский корабль не прошел) Финский залив и даже заняли у противника 18 островов, прилегающих к полуострову, прежде чем уйти по приказу командования на защиту Ленинграда.

Гангутцы — так звали этих солдат на Ленинградском фронте. Они были примером храбрости. Это они соединились в 1943 году с Волховским фронтом. Это они участвовали в самых трудных операциях по освобождению Ленинграда, Прибалтики и Карельского перешейка, Выборга, не жалея крови и жизни.

Мало их осталось в живых. Но все же они среди нас, люди, которые носят у себя на груди многогранник с надписью «Гангут. 1941 год». Так вот, когда увидите человека с таким знаком на отвороте пиджака, знайте, это гангутец, это солдат, не ведавший отступления.

Когда-то в «Огоньке» герой Гангута прекрасный художник Борис Иванович Пророков писал о доблестных защитниках Ханко, скликая их своим добрым словом на перекличку долга и совести. И они откликнулись на его призыв со всех концов нашей Родины и стали собираться на свои суровые праздники верности и печали.

И вот недавно исполком Ленинградского городского Совета своим решением передал Пантелеймоновскую церковь музею истории Ленинграда для того, чтобы открыть в ней музей героической славы русского флота времен Гангута 1714 года и Гренгама 1720 года и солдатской доблести времен Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Этот мемориал достойно расскажет о связи времен и поколений, о великом умении нашего народа защищать свое Отечество. Он, этот мемориал, будет учить новые поколения благородству мужества.

Для этого он и создается.

И я, пользуясь случаем, по праву своей причастности к обороне Гангута (Ханко) в 1941 году, прошу всех оставшихся в живых защитников Гангута — солдат и командиров — поделиться с Гангутским музеем реликвиями памяти души и сердца, воскрешающими дни нашей боевой молодости.

Слава непобежденного Гангута, слава гангутцев, не знавших отступления, будет жить в веках. Как это ей по достоинству и положено.

* * *

Поддерживая призыв М. А. Дудина, редакция «Огонька» просит всех, у кого сохранились материалы, представляющие интерес для будущего музея, направлять их по адресу: 197046, Ленинград, Петропавловская крепость, 3, Государственный музей истории Ленинграда.

В освобожденном Ленинграде. Фото Д. Трахтенберга

Морской патруль на набережной Невы.

Фото Д. Трахтенберга.

ДОЧЬ ПОЛКА

Мне хочется написать об одном человеке. Этот человек — сержант Адель Константиновна Шекстелло, девушка из Харькова, ушла на фронт с третьего курса института, воевала на земле Калининской и Смоленской областей, Белоруссии, Латвии, Восточной Пруссии. Участвовала в штурме Кенигсберга.

Где-то под Невелем она подобрала на пепелище девочку. Ее родители погибли, деревня была полностью сожжена. Девочку звали Марийкой. Так появилась у нас дочь полка.

Ада действительно по-матерински относилась к Марийке.

25 марта 1945 года Адель Шекстелло погибла. Во время артиллерийского обстрела мы оказались с ней в кузове машины. Снаряд упал невдалеке, и осколок попал ей прямо в сердце. Она свалилась ко мне на колени, не успев сказать ни слова.

Похоронена Ада на кладбище в Родерсдорфе. Ей было 23 года. Большой души человек, друг, товарищ и воин.

Марийку Шекстелло отправили в Барнаул, где в эвакуации находились родители Ады. Девочке было тогда 13 лет.

Марийка носила всегда военную форму. С трудом отыскали платье, в котором она и сфотографирована.

На втором снимке Адель Шекстелло со своей фронтовой подругой Машей (Маша впереди).

В День Победы 9 мая 1945 года Маша стала моей женой. С ней мы будем встречать вместе 35-летие Победы.

С. ПЛЕСОВСКИХ

с. Сорокино, Тюменская область.

РАПОРТ ЛЮДВИКУ СВОБОДЕ

Войну я встретил в Ленинграде и все 900 дней и ночей блокады защищал его и в воздухе и на земле.

После прорыва блокады и освобождения прибалтийских республик я получил в марте 1945 года назначение — начальником штаба 1-й чехословацкой смешанной авиадивизии. В то время она базировалась на польской территории у границы с Чехословакией. Войска 4-го Украинского фронта готовили Моравско-Остравскую операцию. 30 апреля Острава была освобождена.

В этих боях принимала участие и 1-я чехословацкая авиадивизия, взаимодействуя с войсками корпуса генерала Людвика Свободы.

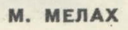
9 мая была освобождена Прага, а 12 мая я перелетел в полном составе дивизии на пражский аэродромный узел. Вскоре на аэродром прибыл Людвик Свобода посмотреть авиадивизию и вручить правительственные награды личному составу, отличившемуся в последних боях.

Получил и я из рук генерала Свободы Военный Крест.

На снимке — я отдаю рапорт прибывшему на аэродром Л. Свободе. Май 1945 года.

М. МЕЛАХ

с. Стайки, Киевская область.

Партизаны.

ПУСТЬ ПОРАДУЕТСЯ ВЕТЕРАН

Мы, пионеры 7 «Б» класса школы № 62 города Кривой Рог, давно дружим с ветераном Великой Отечественной войны Гаврилом Денисовичем Водопьяновым, человеком исключительной доброты, неутомимым тружеником, интересным собеседником.

В составе танковой дивизии Гавриил Денисович прошел всю войну, был четыре раза тяжело ранен, награжден орденом Красной Звезды, многими медалями.

Самым памятным днем для него стал День Победы.

Он рассказывал нам, какие были тяжелые бои в Берлине в ночь с первого на второе мая 1945 года. Неимоверная стрельба, сплошной огонь на земле и в воздухе. И вот 2 мая Берлин пал. «Нашей радости не было предела, плакали и рыдали от счастья, — вспоминает Гавриил Денисович. — А третьего мая нас подняли по тревоге. Вся 3-я гвардейская армия, которой командовал маршал Рыбалко, двинулась в «неизвестном» направлении. Оказалось, что мы спешили на помощь Праге. Вечером 8 мая вступили в бой, а на рассвете 9 мая вошли в Прагу". Гавриил Денисович рассказывает, как пражане засыпали советских солдат цветами, везде слышались слова: дорогие освободители, родные спасители, вызволители.

Жители города приглашали наших воинов к себе домой и не просто приглашали, а на руках несли в квартиры.

«Как я ни протестовал, — говорит наш ветеран, — но ничего не помогло, меня тоже несли на руках к дому. В квартире чехословацких друзей я встретил русскую девушку из Одессы. Ее спасли эти чехи. Угнана девушка была вместе с другими в Германию. Эшелон с людьми (около тысячи человек) был загнан в глухой тупик, где простоял 16 суток. Узники были без воды, хлеба. Многие в вагонах умерли, а оставшихся в живых тайком жители города забрали и спрятали. В другой семье гостем был киевлянин Григорий Цисаренко, в третьей — Бондарь Федор из Житомира. Позже за обеденным столом сошлись все соседи, гости, человек двадцать. Пели песни, играли на рояле, плакали».

Уважаемая редакция «Огонька»! Просим напечатать письмо, пусть порадуется наш друг, мы хотим сделать ему подарок ко Дню Победы.

Пионеры 7 «Б» класса

Кривой Рог.

На врага поднялся и стар и млад.

Фото М. Трахмана.

ПЕРВОЕ МГНОВЕНИЕ

О Победе, о нашей долгожданной Победе, о том, что фашистская Германия безоговорочно капитулировала, на нашей батарее 1332-го зенитного артиллерийского полка МЗА я узнал одним из первых.

...Было это где-то под Бранденбургом. Батарея только что совершила очередной боевой (и как потом стало известно, последний) марш и занимала новую позицию. Связисты еще наводили проволочную связь, а мы, радиотелеграфисты, в ожидании выхода на связь с полковой рацией вертели ручки приемника. «Говорит Москва! Важное сообщение!» Так мы узнали о капитуляции Германии, о том, что 9 мая 1945 года будет праздноваться День Победы. Первый День Победы!

Это было 8 мая 1945-го, помнится, после обеда... А потом до поздней ночи мы готовились к первому Дню Победы — чистили орудия, личное оружие, обмундирование. После овладения Берлином сомнений в нашей близкой победе ни у кого не было. И все-таки весть о полной и безоговорочной капитуляции врага вошла в сердце с чувством радостным и торжественным, с болью и горечью за все пережитое, за боевых друзей, что остались лежать под березками на пути от Сталинграда до Берлина... Наша радость в тот час была со слезами на глазах...

Уже к рассвету стихло на батарее. Спали солдаты. Я дежурил в эти часы на батарейной радиостанции и оформлял очередной и, конечно же, победный номер боевого листка. Пела душа. Хотелось говорить стихами.

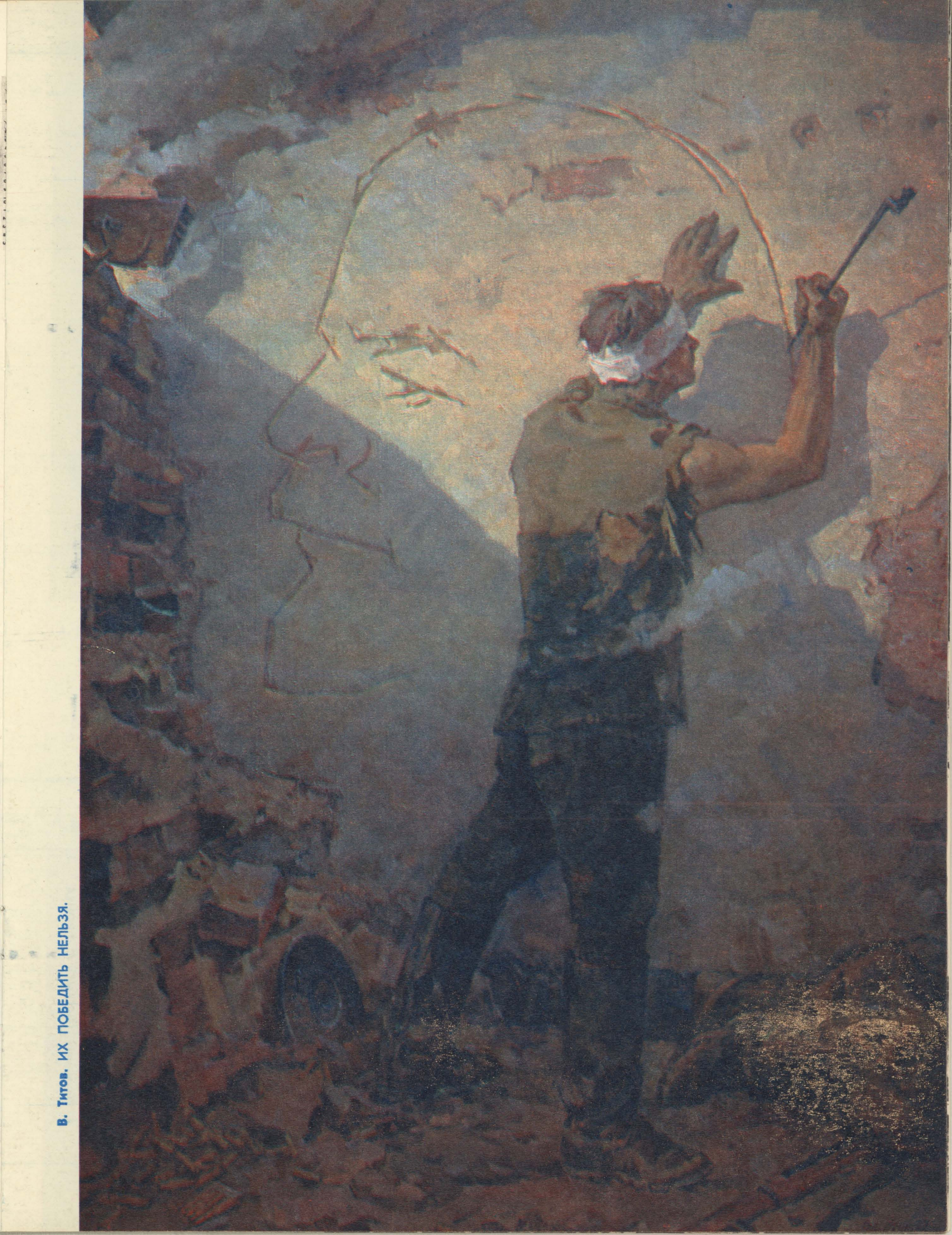
С утра 9 мая все писали письма, с радостью сообщая домой, в Россию: «Дошли! Выжили! Скоро вернемся!»

А. ТЕРЯЕВ

пос. Шамлуг, Армянская ССР.

Прощание.

В. Титов. ИХ ПОБЕДИТЬ НЕЛЬЗЯ.

А. Лактионов. ПИСЬМО С ФРОНТА.

А. Пластов. ПАРТИЗАНЫ.

П. Кривоногов. НА КУРСКОЙ ДУГЕ.

А. Дейнека. ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

Д. Налбандян. НА МАЛОЙ ЗЕМЛЕ. Фрагмент.

П. Кривоногов. ПОБЕДА.

М. Володин. СПАСЕНИЕ КАРТИН ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЕРЕИ.

Н. Бут. КЛЯТВА. АДЖИМУШКАЙСКИЕ КАМЕНОЛОМНИ. 1942 ГОД.

ПОДАРОК НОВОРОЖДЕННОМУ

Хочу рассказать о благородстве советского человека, воина, солдата, душа которого, кажется, должна бы зачерстветь, ожесточиться и мстить за те зверства, которые творил фашизм на нашей земле. Но этого не было.

Шел апрель 1945 года. Минометная батарея, которой я командовал, стояла в обороне на берегу Нейсе, напротив города Форст.

Оборона для нас была подготовкой к наступлению — последнему, на Берлин. Настроение было приподнятое, праздничное. Все писали домой, что скоро будем в Берлине, враг будет разбит и мы вернемся с победой.

Вечером ко мне на наблюдательный пункт приходит старшина батареи Михаил Гула и сообщает новость: рядом в подвале каменного здания, где находились немцы — женщины, дети, старики,— у одной немки родился сын.

— Есть предложение,— говорит старшина,— всей батареей преподнести молодой матери и новорожденному подарок в честь рождения нового человека.

Неподалеку находился разбитый склад, и солдаты ухитрились отыскать пеленки, распашонки, штанишки там всякие. И вот вечером наша «делегация» во главе с командиром батареи двинулась в подвал к немцам. Мы вручили подарок молодой матери и пожелали ей и новорожденному здоровья и счастья в послевоенной жизни.

Невозможно представить, какую реакцию среди немцев вызвал наш простой поступок! Многие плакали, все что-то говорили, потом смеялись, обнимали наших солдат. После этого «торжественного акта» старшина батареи и повар пригласили всех на нашу солдатскую кухню и угостили ужином. Когда батарея снималась с огневых позиций, многие обнимали наших солдат, целовали, ребятишки забирались к нам на руки. Все дружно махали нам вслед, желали счастья, и самое главное — остаться живыми и вернуться домой к своим семьям.

На уроках истории я часто рассказываю об этом эпизоде своим ученикам.

В армию я пошел добровольцем в ноябре 1941 года прямо из десятого класса. В мае 1942-го, когда мои одноклассники заканчивали школу, мне было присвоено звание младшего лейтенанта минометчика. А в июле я уже был на фронте командиром минометного взвода.

Пришлось все испытать: горечь поражений и радость побед.

9 августа 1942 года, раненный в одиннадцати местах гранатными осколками, с пробитыми легкими, в бессознательном состоянии, я попал в плен. Пять попыток бежать. Наконец удалось. С января 1943 года снова на фронте. Принимал участие в боях при форсировании Днепра, в освобождении Киева, Львова, воевал в Польше и на Дуклинском перевале при освобождении братской Словакии. Участвовал в форсировании реки Нейсе и штурме Берлина.

Войну закончил в Праге.

Родина наградила меня орденом боевого Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» и другими.

П. ЛИТВИНОВ

Алтайский край.

АРМИЯ - ОСВОБОДИТЕЛЬНИЦА

Советские Вооруженные Силы вышвырнули гитлеровских захватчиков со своей родной земли и дальнейшим наступлением помогали народам Румынии, Болгарии, Венгрии скинуть ненавистное фашистское ярмо.

Советский Союз оказал братскую помощь полякам, чехам, словакам, югославам. На территории СССР была сформирована 1-я польская дивизия имени Тадеуша Костюшко, которая вместе с Красной Армией вела наступление на Берлинском направлении. На нашей земле сформировался чехословацкий батальон Людвика Свободы, который потом стал армейским корпусом.

Действиями 2-го и 3-го Украинских фронтов были освобождены от фашистского ига Румыния и Болгария, народы которых направили свое оружие против фашистской Германии.

Советская Армия освобождала от фашизма народы Западной Европы, и всюду ее встречали как армию-освободительницу, с восторгом и любовью.

КОНЦЕРТ В РЕЙХСТАГЕ

Эта фотография сделана в Берлине 5 мая 1945 года. На обороте ее надпись: «Нине Михаловской от героев штурма рейхстага в память о встрече. Нам очень понравился ваш концерт, который вы дали первый в рейхстаге в 1945 году 5 мая. М. Егоров».

На снимке вы видите заслуженную артистку РСФСР Н. В. Михаловскую с группой военных. Среди них Михаил Егоров (второй справа) и Мелитон Кантария (третий справа) — те самые, которые водрузили Знамя Победы над рейхстагом.

Нина Валериановна рассказывает о том, как появился этот снимок.

ПЯТОЕ МАЯ

Фронтовая бригада артистов, в которую входила и я, находилась в городе Штеттине в распоряжении Политуправления 2-го Белорусского фронта. Мы ежедневно выступали в воинских частях. И в свой выходной день я попросила военных, которые ехали в Берлин, взять меня с собой.

Вот и рейхстаг. У одной из колонн группа военных.

Я узнала Бориса Горбатова, Всеволода Вишневского, Льва Славина, Всеволода Иванова, Евгения Долматовского, Мартына Мержанова. Тут же были комендант Берлина генерал Берзарин и комендант рейхстага полковник Зинченко. Меня познакомили с ними.

— Выступите, пожалуйста, сейчас здесь, в рейхстаге,— обратился ко мне полковник Зинченко. Признаться, я растерялась, но отказаться не смогла.— Ну, пошли,— сказал он и привел меня в какое-то помещение на первом этаже. Навстречу мне поднялся худенький молодой офицер с забинтованной головой. Рука у него была на перевязи.

— Капитан Неустроев! — представился он.

Я уже знала, что это его батальон первым ворвался в рейхстаг. Капитан налил мне чаю из термоса, придвинул консервы, но у меня кусок в горло не шел от волнения.

— Как же я буду выступать,— говорю я капитану,— я и не одета для концерта, и грима у меня нет.— Лучше б мне не произносить этих слов! Капитан повернулся к стоявшему у двери солдату и скомандовал:

— Пудры и духов артистке, быстро!

Через несколько минут солдат вернулся и протянул мне коробочку с каким-то белым порошком. На ней было написано по-немецки: «Для ног». Я с трудом удержалась от смеха, поблагодарила и сказала, что попудрюсь перед выступлением.

Потом по широкой разбитой лестнице мы поднялись на второй этаж.

Все ждали какого-то майора, без него концерт не хотели начинать. И вот он появился — голова забинтована до самых глаз — майор Соколовский, заместитель Зинченко. Он пришел из подвала, где ему только что сделали перевязку.

Вместо эстрады мне поставили три ящика от гранат. Перед ними на табуретках сели Зинченко, Соколовский, Неустроев и Берзарин. На меня устремлены сотни глаз... Сверху хорошо видны измученные лица, перебинтованные головы и руки, потемневшие от пороха гимнастерки. Солдаты садятся, а некоторые даже ложатся на пол.

Мучительно думаю, что читать. «Не та победа, которая определяется... пространством, на котором стояли и стоят войска, а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими...», — произнесла я бессмертные слова из «Войны и мира». И сразу почувствовала какое-то неуловимое общее движение всех сидящих и лежащих на полу людей, как бы придвигавшихся ближе ко мне, к этим ящикам. И в этот момент несколько человек стали аплодировать, потом я увидела, что один украдкой вытирает слезы...

Я читала и думала: будто сегодня написаны эти слова, написаны про тех, кто сидит сейчас передо мной на полу в этом зале берлинского рейхстага.

Я читала в тот день много: и Пушкина, и Чехова, и Горького.

Потом мне помогли слезть с ящиков, бойцы окружили меня, благодарили. Полковник Зинченко познакомил меня с двумя сержантами — Егоровым и Кантария. Я спросила у них:

— Что вам больше всего понравилось из моего выступления?

— А вот то, что написал Толстой о нас, о нашей армии, о наших солдатах! И большое вам, товарищ артистка, спасибо солдатское от всех нас,— ответил Егоров и предложил:

— Если вы не боитесь высоты, пойдемте, мы проведем вас по тому пути, как шли наверх со знаменем. — Он протянул мне руку, и мы пошли. Когда надо было перепрыгивать через дыры, где не было ступенек, меня страховал Мелитон Кантария.

И вот мы стоим все трое на обломках кирпичей возле самого купола. Над нами, в голубом майском небе, полощется наше Знамя Победы.

А когда спустились, сфотографировались на память.

Комендант рейхстага от имени бойцов написал мне теплый отзыв о концерте. В нем были и такие слова: «Вы были первой артисткой к нам, с нашей далекой Родины. Бойцы и офицеры, герои боев за рейхстаг, сердечно благодарят вас, Нина Валериановна, за концерт, за доставленную радость...» Листок из блокнота с этими словами у меня сохранился.

ВОСЬМОЕ МАЯ

...С самого раннего утра в Карлсхорсте чувствовалось оживление.

Увидев из окна, что вдоль тротуаров, на расстоянии 3—4 метров друг от друга, выстраиваются наши солдаты в парадной форме, я выбежала на улицу. Но первый же солдат решительно загородил мне дорогу и грозно сказал:

— Фрау, вег!

— Какая я вам фрау? — возмущенно воскликнула я.— Я русская! Артистка из Москвы!

— Москвичка, дорогая! — заулыбался боец.— Проходи, пожалуйста!

И это ласковое слово «москвичка» стало передаваться, как пароль, от одного солдата к другому. Я шла вдоль шеренги наших советских парней, и мне было очень приятно сознавать, что москвичка — это я.

Вскоре стало известно, что сегодня, 8 мая, на Темпельхофский аэродром прибывают представители союзного командования для подписания акта безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Никаких концертов в тот день у меня, естественно, не было, и я собиралась вымыть голову, сделать прическу и пораньше лечь спать.

Только я нагрела воды, как в дверь кто-то постучал. Открыв ее, я увидела адъютанта члена Военного совета Пятой ударной армии генерал-лейтенанта Бокова. Он передал мне приглашение генерала Бокова на торжественный ужин. Я, откровенно говоря, толком не поняла, о каком ужине идет речь. Но раз приглашает генерал — как можно отказываться?

Приходим в уже знакомое мне здание бывшего военно-инженерного училища. Минуем какое-то помещение, по всей вероятности, кухню, так как за дверью, помню, мелькнула фигура человека в белоснежном поварском колпаке. Адъютант вводит меня в большой зал, и я с изумлением останавливаюсь на пороге.

Прямо передо мной, на белой стене висят флаги — советский, американский, английский и французский. Под флагами стоит большой празднично сервированный стол, а перпендикулярно к нему — еще столы, поменьше.

В центре большого стола я вижу маршала Жукова. Здесь же английский маршал авиации Артур В. Теддер, американский генерал К. Спаатс и французский генерал Ж. Делатр де Тассиньи. Незадолго перед этим они подписали акт о безоговорочной и полной капитуляции фашистской Германии, после чего немецкой делегации предложили покинуть зал. А уже потом, вероятно, было все подготовлено к торжественному ужину.

Вижу, поднимается с места маршал Жуков с бокалом в руке и провозглашает тост за Победу, за великий подвиг советского солдата. Звучит громкое «ура», все встают. Маршал начинает свою речь. Он говорил о том, какой дорогой ценой, каким великим героизмом и мужеством завоевана Победа, с какой надеждой и верой ждали миллионы людей сегодняшнего дня. Речь его звучит горячо, вдохновенно, в каждом слове чувствуется огромная внутренняя сила. Сколько лет прошло с того дня, но я до сих пор вижу лицо Жукова — одухотворенное, энергичное.

В конце вечера меня познакомили с Жуковым. Георгий Константинович пожал мне руку, поблагодарил за концерт, который я дала накануне для работников штаба фронта.

Эти два майских дня остались у меня в памяти на всю жизнь.

Н. МИХАЛОВСКАЯ

Москва.

Встреча в освобожденной Одессе.

Фото Дм. Бальтерманца

ПОГИБ У БРАНДЕНБУРГСКИХ ВОРОТ

Я, капитан Шихалиев Гамза Миралам-оглы, и мой двоюродный брат Фейруз пошли в армию в сентябре сорок первого. Воевали от Моздока до Берлина. Брат погиб у Бранденбургских ворот. Посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Высылаю его последнюю фотографию. На обороте по-азербайджански написано: «Пишу из Польши. Наша часть идет в наступление на Берлин».

В сражении за Берлин я командовал ротой. Нам было приказано захватить здание рейхсканцелярии. Во время этого боя я потерял большинство своих солдат.

Родина наградила меня орденом Ленина, Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, двенадцатью медалями, а за мирный труд — орденом Октябрьской Революции и тремя медалями.

Сейчас я председатель сельского Совета. Пока держусь крепко. Оставшуюся часть своей жизни хочу посвятить воспитанию молодого поколения в духе патриотизма и гуманизма.

Г. ШИХАЛИЕВ

с. Келяхан, Азербайджанская ССР.

Фейруз Шихалиев. Погиб у Бранденбургских ворот.

Берлин. После Победы. Гамза Шихалиев — крайний справа.

ПОСЛЕДНЯЯ БОЕВАЯ ТРЕВОГА

Вечером 5 апреля 1945 года мы смотрели фильм «В шесть часов вечера после войны». Было это на подступах к Кенигсбергу. Примерно в середине фильма послышался гул вражеских самолетов. Демонстрацию картины прекратили. Потом, когда стервятников отогнали, мы ее досмотрели. Очень понравилась нам эта картина. Хотелось еще быстрее прийти к Победе и разделаться с войной.

За взятие Кенигсберга весь наш экипаж был награжден орденом Красного Знамени. После боев за Пиллау мы вернулись в Кенигсберг, а затем совершили марш-бросок в район Данцига.

Весна была в полном разгаре. Буйно цвели яблони и вишни. Все вокруг благоухало. К нам приехал ансамбль песни и пляски 43-й армии. Это было восьмого мая в два часа дня. Еще не смолкли аплодисменты после концерта, как прозвучала команда: «Боевая тревога!» Мы все побежали к машинам. К ночи наша часть прибыла на исходные позиции. Слышим по радио сообщение о конце войны, а сами форсируем канал. 9 мая мы продолжали наступление. Последняя потеря в полку — на мине подорвалась одна машина. Наши самолеты сбрасывали листовки, но противник все еще не сдавался.

Вечером все радовались Победе. И салютовали из всех видов оружия.

П. КОДИНЦЕВ

Новый Оскол, Белгородская область.

Экипаж танка — Ю. Климкович, П. Кодинцев, С. Воробьев (слева направо). Июль 1944 года.

В день парада Победы. Июнь 1945 года.
Фото Я. Халипа

Сталинград. В освобожденной части города.

ЭТОТ ДЕ

Освобождение Орла. Август 1943 года.

ПОБЕД

Советские воины вступают в Ригу.

Фото Г. Зельмы

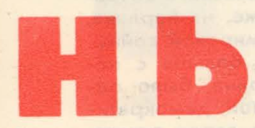

Фото О. Кнорринга

Фото Г. Санько

Москва. Красная площадь. 9 мая 1945 года.
Фото Я. Халипа

НАШ ТЕСНЫЙ СОЮЗ

Эрнст-Отто ШВАБЕ,
главный редактор
еженедельника «Хорицонт»

Год моего рождения 1929-й. Весной сорок пятого — мне не исполнилось и шестнадцати — я получил повестку. Это был последний призыв. В «фольксштурм» набирали стариков и подростков, чтобы любой ценой продлить агонию нацистской Германии. На сборный пункт мне надлежало явиться 25 апреля. Двадцать третьего Красная Армия взяла Обершёневайде, мое родное предместье Берлина, так что советские солдаты спасли мне жизнь. Ведь половина ребят из моего класса не дожила до мирных дней...

Лишь самые сознательные немцы — коммунисты, антифашисты, сумевшие пережить нацистский кошмар,— восприняли победу Советского Союза как освобождение. Правда, уже мало кто верил угрозам Геббельса, что русские одних расстреляют, а других отправят в Сибирь. Тем не менее люди испытывали безысходность и страх — что-то будет?!

Что же было? Советские солдаты, которые прошли с боями сотни километров от разоренной фашистами родины, которые потеряли своих родных и близких, эти солдаты выкатывали на улицы немецких городов полевые кухни, оборудовали медпункты, налаживали водопровод, электричество, газ — для населения, которое в большинстве своем послушно следовало преступной политике германского империализма. Могу лишь представить, что творилось в те дни в душе этих солдат, но знаю совершенно точно: их человеческое величие и высокая социалистическая мораль отозвались в сердцах моих соотечественников. Прошли годы, прежде чем произошел коренной переворот в их сознании и май 1945-го стал восприниматься не как «катастрофа», а как освобождение.

Я стал учеником каменщика. Больше всего запомнились жаркие дискуссии в обеденные перерывы: за или против земельной реформы; за или против образования профсоюзов; объединяться ли коммунистам и социал-демократам в единую партию; за Восток и против Запада или наоборот. Я многого не понимал, не хватало политического опыта, широты кругозора. Впрочем, нас, учеников, не особенно спрашивали. Но я следил за спорящими, с одними соглашался, других отвергал и лишь много позже узнал, что первые были коммунистами.

Недалеко от нашего дома стояли советские солдаты, и очень часто мы с приятелями просиживали у них целыми вечерами — не потому что здесь нам иногда перепадало кое-что из еды, а главное потому, что из невероятной смеси русского и немецкого мы очень многое узнавали о стране, которую прежде нам яростно малевали самыми черными красками. Мы храбро раскуривали «козьи ножки», иногда после нескольких затяжек я приходил домой бледный, как полотно, но старался не пропустить ни одной такой встречи. Уже выпускались газеты, из них многое можно было почерпнуть для самообразования; быстро наладили и выпуск новых книг. Но непосредственный, личный контакт, как я убедился на собственном опыте,— самое действенное средство агитации, несмотря на трудности с языком. Впрочем, и это дало положительный результат: мы начали регулярно заниматься русским.

Жизнь у каждого человека своя, не похожая на другие. Не все граждане ГДР моего поколения стали коммунистами, друзьями Советского Союза точно таким путем, как я. Для многих решающим был пример старшего товарища, другим открыли глаза годы, проведенные в советском плену, третьих привели в ряды революционеров книги Анны Зегерс или других немецких писателей. Нашими первыми учебниками жизни были «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия», «Поднятая целина», книги по вопросам марксизма-ленинизма. Но наверняка у каждого, кто в первые же годы нашей революции стал ее борцом, были такие вечера с советскими «агитаторами», и очень многие до сих пор крепко дружат со «своим» Сергеем, Петром, Василием или со «своей» Марией, Леной, Ниной.

И у меня есть такие друзья, они живут в разных уголках Советского Союза и, скорее всего, даже не подозревают, сколь многим я им обязан. Если кто-то из вас, мои друзья, читает эти строки, еще раз от всего сердца говорю вам: «Большое спасибо!»

Тысячекратное «спасибо!» летит в эти дни из нашей страны в СССР — тем бесчисленным советским друзьям, кто за минувшие 35 лет помог нам увидеть сегодня Германскую Демократическую Республику такой, какой она стала,— цветущей страной, крепко спаянной со всем социалистическим содружеством.

Путь ее был нелегок! ГДР получила и меньшую, чем у ФРГ, территорию, и менее развитую часть старой Германии. Из-за фанатичного сопротивления фашистов здесь было гораздо больше разрушений, чем в западных областях. К тому же, когда началась «холодная война», в ФРГ как из рога изобилия посыпались американские поставки по «плану Маршалла», что после долгих лет нужды закрыло некоторым глаза на истинное соотношение политических сил.

Уверенность в экономическом превосходстве породила у руководящих кругов германского империализма (его всегда отличала недооценка противника) политику «на грани войны» в отношении ГДР. В 1952 году тогдашний министр иностранных дел ФРГ заявил, что они предпримут «самые крайние меры», чтобы вернуть «советскую зону оккупации».

Но эти агрессивные замыслы потерпели крах в борьбе с реальностью. Реальностью было новое соотношение сил на международной арене, решающая роль Советского Союза. «Манифест Коммунистической партии», воплощенный в жизнь первой страной социализма, оказался сильнее «плана Маршалла»!

Сегодня ГДР, как суверенное государство, поддерживает дипломатические отношения почти со всеми странами мира — разумеется, за исключением таких, как ЮАР, Чили или Израиль. Неизменна наша миролюбивая политика, основанная на согласованных действиях стран Варшавского Договора.

Под каждой мирной инициативой стоит и подпись ГДР. Лишь немногие из западных комментаторов специально отметили, что речь Л. И. Брежнева, где содержались новые конкретные предложения, направленные на мир и безопасность в Европе, прозвучала именно в Берлине и в знаменательный день — в канун 30-летнего юбилея ГДР. А ведь минула лишь половина среднего человеческого возраста с того дня, когда отсюда же, из Берлина, на мир обрушился ад второй мировой войны.

Сделать все, чтобы никогда больше с немецкой земли не исходила война, было одной из задач, поставленных новой, демократической Германией после весны сорок пятого. Все мы свидетели — она решена сегодня. И это, мне кажется, еще более красноречиво, чем достижения ГДР в других областях, говорит о торжестве социалистической революции в бывшей империалистической стране.

Определенные круги могут по-прежнему не считаться ни с успехами ГДР, ни с самим ее существованием. Три программы телевидения, радиостанции ФРГ и Западного Берлина, которые повсюду принимаются в ГДР, ежедневно поливают нас грязью. Бельмо в глазу для буржуазной пропаганды наш тесный союз с СССР. О чем бы ни шла речь — о политике ли, экономике, культуре ГДР, заключение одно: для ГДР «слишком» тесный союз с СССР невыгоден, ей следовало бы «больше ориентироваться на Запад».

И кто же поучает нас? Тот, кто не может навести порядок в собственном доме, справиться с безработицей, экономическими кризисами. Эти же круги в ФРГ и сегодня, пусть не так явно и беспардонно, как в 50—60-е годы, мечтают «в один прекрасный день» захватить ГДР. А первый шаг к цели — по возможности дальше «увести» ГДР от ее великого союзника.

Наш союз с СССР день ото дня крепнет не только в сфере так называемой высокой политики — это ясно как день,— но и среди самых широких масс. Дружба с Советским Союзом стала для граждан ГДР делом сердца. Общество германо-советской дружбы — самая крупная после профсоюзов массовая организация в нашей стране. В республике 92 тысячи бригад и других коллективов имени германо-советской дружбы, 6701 кружок специально занимается изучением советского опыта. Наш братский союз заявляет о себе ежедневно, тысячи раз, на самых разных уровнях. В речи на торжественном заседании, посвященном 30-летию ГДР, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Для наших партий, государственных и общественных организаций, предприятий и научно-исследовательских центров стали привычной нормой, я бы даже сказал — жизненной потребностью, постоянные творческие контакты. Тысячи и тысячи трудящихся Советского Союза и вашей республики непосредственно знакомы друг с другом, миллионы поддерживают тесные связи в рамках различных организаций. Это очень хорошо, товарищи. Дружба народов — это величайшее богатство, которое надо ценить, оберегать и приумножать!»

Каждый день у монумента советскому солдату в берлинском Трептов-парке можно встретить людей со всех концов ГДР. Они приезжают поклониться своему освободителю. 35 лет назад потребовалась бы изрядная порция оптимизма, чтобы вообразить себе такую картину. Сегодня в ГДР это само собой разумеется.

Берлин.

9 МАЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 35 ЛЕТ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ ОТ ФАШИЗМА

С. ВЛАСОВ

С НИЗКИМ ПОКЛОНОМ

Зденек Павлик.

Фото Р. Витека

...Это случилось во время Остравской операции. Группа наших разведчиков, собрав нужные сведения, укрылась в развалинах старого замка. По рации передали донесение в штаб. И тут со всех сторон полезли фашисты, видно, засекли радиопередатчик. Разведчики приняли неравный бой. Командир, майор Урзля, передал по радио: большое скопление противника, пусть артиллерия ударит по развалинам замка. О том, что он сам со своими товарищами находится там, майор умолчал.

Наши пушки были точны: добрая сотня гитлеровцев осталась лежать возле разрушенных стен, за которыми чудом уцелели разведчики. Но это была лишь передышка, фашисты бросили в бой новые силы. Когда в автомате майора Урзли осталась последняя обойма, он попросил подкрепления. Оно опоздало. На месте боя нашли изуродованные тела наших солдат. Их мучили, раненных, издевались уже над мертвыми. Майора схватили, когда, истратив все патроны, он бросился на фашистов с ножом. Этим же ножом они у живого вырезали пятиконечные звезды на лице и на груди.

Наши солдаты нашли в кармане у командира окровавленное письмо к жене.

«Дорогая Леночка, — писал Владимир Матвеевич, — скоро вернусь, готовь бутылку шампанского, которую мы тогда с тобой не успели выпить». Тогда — это 22 июня.

Жена Владимира Матвеевича не знала, как погиб ее муж, где похоронен. И, возможно, никогда бы не узнала, если бы не чешский шахтер Зденек Павлик.

Мы сидим в его просторном доме, в селе Седлнице, что в тридцати километрах от Остравы. Он там работает на шахте имени маршала Еременко. Кстати, советский маршал хорошо знал Зденека, был крестным отцом его сына.

Мы говорим на русском. Павлик выучил его по самоучителю. Он перебирает стопки писем. Сотни, тысячи конвертов, почти все они из Советского Союза. Это письма от тех, кто в войну потерял отца, мужа, сына, брата. Где погиб? Как? Когда? Где похоронен? С такими вопросами обращаются незнакомые люди к Зденеку Павлику.

Но часто, не дожидаясь вопроса, к ним обращается он сам. Так было и в тот раз. Прочитал как-то Павлик в газете историю героической смерти майора Ургли (именно так было напечатано — Ургля, а не Урзля). Но, к сожалению, говорилось в статье, где похоронен герой — неизвестно.

— Я решил, что обязательно отыщу его могилу, — говорит Зденек. — Найду его родственников, если они живы.

Он стал рассылать запросы в разные города: ищу место захоронения советского майора Ургли. Вскоре из Глучина пришло письмо. «В нашем городе похоронен майор Урзля, может быть, это тот, кто вам нужен?» Появилась надежда. Павлик пишет в Москву, в Красный Крест, откуда ему отвечают: в Калининграде живет Елена Гавриловна Ермошина, вдова майора Урзли, погибшего в боях за Чехословакию.

Он едет в Глучин, фотографирует могилу героя, посылает снимок в Калининград. И вот, наконец, письмо от жены героя...

Они встретились возле его могилы спустя ровно четверть века (день в день) после гибели Владимира Матвеевича.

Еще до этого Зденек в письмо к Елене Гавриловне вложил записку на чешском языке, где было сказано, что вдова советского майора едет в Глучин, на мемориальное кладбище. Добираясь от Праги до Глучина, она показывала эту записку встречным людям, и те подсказали ей дорогу, провожали, подвозили на своих машинах.

Удивительно, как в тот день на кладбище им удалось найти друг друга — почти весь Глучин пришел сюда к могилам советских солдат. Город отмечал юбилей своего освобождения.

В картотеке Зденека Павлика около четырех тысяч имен погибших советских солдат. О некоторых из них в военных архивах когда-то было написано: пропал без вести. Или указано только имя, или только фамилия, или только воинское звание.

Теперь многие из них названы так, как их называли, когда они были живыми. Их имена и фамилии, место, где они похоронены, адреса их родных Зденек Павлик помнит наизусть. Да, у него необычная память. Память долгая и благородная.

Конечно, в одиночку ему бы не справиться. У него много помощников, советских и чехословацких школьников.

Вместе со Зденеком Павликом мы объехали несколько мемориальных кладбищ в окрестностях Остравы. Аккуратно уложенный гравий между могилами, цветы, гранитные надгробия со звездочками и четко выбитыми словами. Лейтенант Камелин Анатолий Васильевич, 1923—1945. Капитан Волков ... Максимович, 1921—1945.

Какими же они были молодыми! До боли молодыми...

И как же их много, этих имен! Здесь, в Оломоуце, лежат 1530 советских солдат. В Глучине — 3500, столько же в Опаве. В Зволене — 6000. Имена многих из них до сих пор неизвестны.

— Я чувствую себя виноватым перед ними, — тихо говорит Зденек, — так что у меня еще много работы.

Началась она двадцать лет назад, когда вот так же, как мы сейчас, он стоял среди могил советских солдат и был так же потрясен их обилием, множеством незаполненных строк на их надгробиях. Он вспомнил свое военное детство. Как через село гитлеровцы гнали пленных. Однажды он пошел вслед за колонной, и фашистские конвоиры натравили на него, 12-летнего мальчишку, собак. Вспомнил изможденные, но непокорные лица пленных, пулеметные очереди за околицей. Он вспомнил землю, усеянную трупами... Все это он вспомнил тогда, на кладбище.

— Я снова представил себе, что они живы, что они смеются, радуются скорой победе... Почему я до сих пор ничего не сделал для того, чтобы вернуть им имена?

С этой минуты жизнь обрела для Павлика новый смысл. Он так же, как и раньше, вставал в четыре утра, ехал на автобусе в Остраву, в два часа смена в шахте заканчивалась. И начиналась другая работа: архивы, книги, хроники, письма... Он ездил по кладбищам, переписывал с могил имена. Ездил в национальные комитеты разных городов, писал в советские архивы.

Иногда поиску помогали и случайные встречи. Как-то в поезде разговорился с попутчиком. Тот рассказал, что 8 мая 1945 года был очевидцем трагической гибели советского майора в селе Йозефовице. Павлик хорошо помнил, что в списках погибших в этом селе значился майор Постников, но не было известно, где он похоронен. С надеждой спросил Зденек мужчину...

— Как же, знаю, — ответил тот, — в городе Студенка. И фамилию его помню, Плотников.

— Постников... — Зденек поехал в Студенку, но могилы там не нашел. Оказалось, что кладбище советских воинов перенесли в город покрупнее — все в тот же Глучин. Зденек отыскал могилу майора Постникова, на ней прочел слова: «Живые, скажите, за что мы погибли».

...Уже вечерело, когда мы возвращались. Зденек предложил завернуть еще в небольшой городок Товачов:

— Там за день до Победы погиб советский летчик. Ему было тогда двадцать два года.

И вот мы идем мимо колокольни, откуда его подбили фашистские снайперы. Самолет вел разведку и шел низко над землей. На месте гибели стоит теперь небольшой гранитный памятник. Подходя к нему, мы увидели стайку первоклассников, с охапками полевых цветов они возвращались с прогулки. Ребята положили их около серой плиты, где уже краснели принесенные кем-то маки, и вприпрыжку побежали своей дорогой. Знают ли они, что случилось здесь почти тридцать пять лет назад?

Когда фашистов выбили из городка, среди обгорелых обломков самолета местные жители нашли кусочек бумаги с одним всего словом — Емельянович и два ордена — Красной Звезды и Красного Знамени.

О гибели летчика Зденек Павлик прочел в одной из книг, там же узнал о найденных наградах. Догадка хоть и не сразу, но все-таки пришла: на орденах должны быть номера, по ним и можно определить имя! Павлик послал запрос в Москву, откуда вскоре ответили: имя кавалера орденов — Григорий Куценко, его отец Емельян Илларионович проживает в Киевской области и до сих пор знает о сыне только то, что он погиб при выполнении боевого задания где-то в районе Брно.

Дальше все было как обычно в таких случаях: Зденек послал на Украину приглашение. Но вместо одного гостя приехали двое — отец и сын, младший, Михаил. Он не мог не приехать еще и потому, что Емельяну Илларионовичу одному бы не добраться: в боях за Москву, в сорок первом, он был тяжело ранен, потерял ноги.

Когда мы вернулись в дом к Зденеку Павлику, его ждала пачка новых писем. О добрых делах быстро слух разносится, а после того, как о нем рассказало чешское телевидение, после недавней поездки в Москву, где ему вручили Почетную грамоту ЦК комсомола, у него появилось еще больше друзей, письма стали приходить еще чаще.

В письмах, которые приходят по адресу: Чехословакия, 742—56, Седлнице, 387, — не только просьбы.

«От имени матерей, сестер, дочерей и сыновей погибших говорю вам огромное спасибо за ваш титанический труд... С низким поклоном к вам Русяева. Московская область».

«Ваше имя я запомню навсегда. Вы необыкновенный человек! Кроме меня, вам напишут тысячи советских людей, и они тоже скажут вам слова благодарности... С большим уважением к вам русская девочка Валя Гаврилова. Тамбов».

Я открываю книгу, подаренную мне Зденеком. Это книга памяти. Она посвящена советским солдатам, погибшим в Чехословакии. Выписываю оттуда строки Витезслава Незвала:

Друг мой, бдителен будь на земле,
под которой я стыну!
Право требовать это
я смертью в бою заслужил...

Прага — Москва.

●

Национальному празднику народов Чехословакии — Дню освобождения от фашизма — будут посвящены также материалы следующего номера «Огонька».

Фото М. САВИНА

Смотришь на эти снимки и думаешь: нет, не сочинял русский поэт Михаил Исаковский свой стих «Враги сожгли родную хату...», не чернилами писал по белой бумаге. Вся боль родимой земли влилась в душу человека и исторгнулась из нее тихим вздохом, который до сих пор звучит в ушах.

В войну наши люди отвыкли плакать на пепелищах. Даже старухи, уходя на восток и оглядываясь на разбитую бомбами пылающую деревню, крестились с сухими глазами. Что же говорить о мальчишках...

Вот стоит Толя Фролов, житель калужского села Ульянова. Отступая, фашисты разрушили и подожгли все, что успели. О чем он думал тогда, в июле 1943-го, что было в его еще маленьком, но так много перестрадавшем сердце? Это может сказать только он сам, нынешний Анатолий Фролов, совхозный шофер. Но нетрудно и догадаться.

Все советские люди, кого враги согнали с прадедовых гнездовий, свято верили и ни на миг не сомневались: они вернутся, и вновь поставят дома, и посадят деревья, и вспашут поля. И они возвращались, впрягшись в телеги и тачки, на которых лежало совсем немного имущества. Какое уж там имущество, если всю поклажу везут по тяжелому раскисшему проселку семилетние дети.

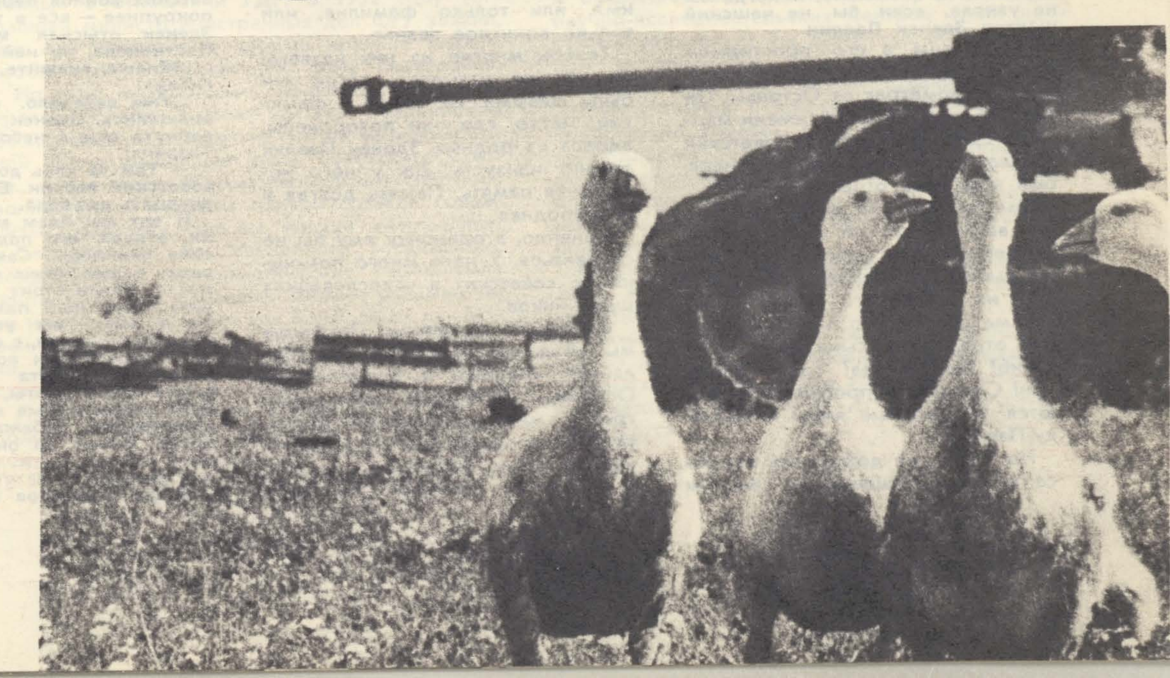
У кого оставалась хоть какая скотина или птица, вели ее и берегли больше, чем себя, а добравшись до места, были до слез рады услышать мяуканье чудом уцелевшего котенка, угревшегося на обуглившемся, еще теплом бревне...

Снимки эти сделаны фотокорреспондентом «Огонька» Михаилом Савиным, бывшим старшим лейтенантом, фотокорреспондентом газеты 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда», в 1942—1944 годах на землях России и Белоруссии.

Все меньше остается на свете людей, видевших такие печальные картины собственными глазами. Но горькая память войны не может угасать, умирать, ненависть к захватническим войнам должна вечно передаваться от поколения к поколению.

О. ШМЕЛЕВ

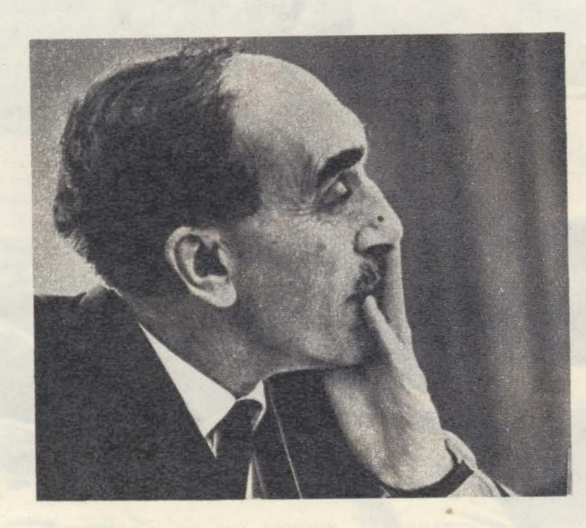
ГОРЬКА

Я ПАМЯТЬ

УЧЕНЫЕ В СОЛД

У нас в гостях лауреат Ленинской, Государственных и Нобелевской премий академик Николай Николаевич СЕМЕНОВ, дважды Герой Социалистического Труда.

— Николай Николаевич, известно, что в победе над врагом в Великой Отечественной войне большую роль сыграли ученые разных специальностей — геологи, металлурги, машиностроители, физики, химики. Расскажите, пожалуйста, о работах своих коллег.

— Позвольте мне ограничиться рассказом о военной судьбе сотрудников возглавляемого мною Института химической физики Академии наук СССР,— сказал Николай Николаевич.— О выдающейся роли таких наших ученых, как президент академии Анатолий Петрович Александров, академики Игорь Васильевич Курчатов и Петр Леонидович Капица, широко известно. Мы вместе дополним мой рассказ на основе документов, воспоминаний.

Так мы и решили...

— Николай Николаевич, когда вы думаете о войне, что вспоминается вам прежде всего?

— Меня ошеломила та резкая грань, что пролегла между миром и войной. Хорошо помню канун войны. Я тогда жил в Ленинграде и работал в институте Химфизики. 21 июня мы с друзьями, коллегами праздновали присуждение мне Государственной премии за работы по физике. Устроили, как водится, банкет в Доме ученых — тогда это было на окраине Ленинграда. Стояла белая ночь, и когда утром гости расходились по домам, они увидели в небе самолеты. Решили: идут учения. Но это шла война...

Академия наук уже на второй день войны провела заседание, на котором были определены основные направления научных работ в новых условиях и создана авторитетная комиссия для конкретных разработок плана и быстрой организации исследований, направленных на военные нужды.

— Николай Николаевич, сохранилась стенограмма этого заседания. Присутствовавший на нем академик Петр Леонидович Капица рассказал о планах перестройки на военный лад руководимого им Института физических проблем. В стенограмме сохранились сказанные им тогда слова: «Нам хочется скорее перейти от слов к делу».

Мне приходилось читать у академика Иоффе, директора Физтеха: «С первых же дней Отечественной войны ленинградские ученые отдали себя целиком служению обороне. Сотни изобретенных новых боевых средств посылались из лабораторий на заводы. Сразу же при содействии партийных организаций установилось тесное содружество между научными институтами и предприятиями... Нигде и никогда я не видел таких стремительных темпов перехода научной идеи в практику, как в Ленинграде в месяцы войны».

— Как председатель созданной в июле 1941 года комиссии по реализации оборонных изобретений могу подтвердить: так оно и было. Только за первые месяцы работы комиссия рассмотрела 847 оборонных изобретений. Так, например, сотрудники института по заданию штаба Ленинградского фронта в кратчайший срок разработали устройство для подрыва вражеских дотов.

В Москве институт, руководимый академиком Капицей, установил связи с Наркоматом обороны. В те дни фашистские самолеты обрушивали на наши города и села тысячи бомб. Некоторые фугасные бомбы не взрывались и представляли дополнительную опасность. Сотрудники Капицы и он сам нашли способ обезвреживания этих бомб. И на это им понадобилось всего пять дней! Но вернусь к Ленинграду.

Казалось бы, отвлеченная область знания — термоэлектричество. А группа ученых Физтеха изобрела «партизанский котелок», в котором батарея термоэлементов нагревалась от обычного костра, и котелок не только грел воду, но и становился генератором для питания походной радиостанции.

Известно, что большинство институтов Академии наук были эвакуированы на Восток. Я с небольшой группой сотрудников остался до осени в Ленинграде. Вместе с академиком Абрамом Федоровичем Иоффе мы руководили при горкоме партии комиссией по оказанию помощи Ленинградскому фронту. Нам удалось разработать и наладить производство бутылок с горючими смесями для подрыва танков и тем внести свой скромный вклад в оборону города.

А зимой 1941 года, когда Ленинград голодал, член-корреспондент АН СССР П. П. Кобеко открыл способ, как из масляных красок — их в институте обнаружилось немало — извлекать пищевой жир. Это изобретение спасло жизнь сотням людей...

Я часто теперь думаю, когда вспоминаю войну, как это мои товарищи — вчерашние «чистые» ученые так быстро стали практиками, применявшими достижения науки для обороны страны? Не сказалось ли здесь то, что они являлись питомцами института нового типа, где физика представляла собой основу для техники, для промышленности?

Хочу подчеркнуть, что победу ковали и под пулями врага и там, где не было слышно их свиста. Фронт проходил через все лаборатории, через все научные институты. Чуть ли не самым трудным делом была для нас эвакуация, перевозка уникального научного оборудования из Москвы, Ленинграда, Киева на восток страны. Морально было трудно — мы ехали в другую сторону от фронта. Однако мы были уже не просто ученые, а солдаты. Был военный приказ — мы его выполняли.

Впрочем, мне ни в коем случае не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление, что у нашего Института химической физики были какие-то особые заслуги. В той же Казани, куда мы эвакуировались, на территории университета находился институт, возглавляемый ныне, как и тогда, моим давним другом академиком Петром Леонидовичем Капицей. О его работах в годы войны написано немало...

— И все-таки разрешите призвать на помощь памяти документы. В них написано, что в институте академика Капицы была создана очень производительная установка, на которой можно было получать две тонны жидкого кислорода в час. А газ этот нужен и металлургам, и военным — для изготовления взрывчатки, и медикам — для дыхания раненым в госпиталях.

— Да, я помню, как первые дьюары с жидким воздухом отправили на военные заводы. А казанские госпитали стали получать этот газ прямо из института.

Несколько позднее в Москве было создано учреждение «Главкислород», руководить им поручили не хозяйственнику, а ученому — тому же Петру Капице, заслуги которого высоко оценили партия и правительство. За успешную научную разработку нового метода получения кислорода и за создание мощной турбокислородной установки ему было присвоено в годы войны звание Героя Социалистического Труда.

— В книге члена-корреспондента АН СССР авиаконструктора Яковлева есть такие строки: «Когда в воздухе запахло войной, резко усилилось соревнование между конструкторами всех государств. Все понимали, что надвигающаяся война станет войной моторов». Однако самолет — это не только мотор, но и эффективное безопасное горючее в этих моторах. Известно, что в годы войны вы, Николай Николаевич, занимались проблемами горения и взрыва.

— Собственно, работы эти мы начали еще до войны.

В Казани наши сотрудники связались со специалистами по двигателям авиационного института и также управлением гвардейских минометных частей. Уже к зиме 1941 года нами был создан небольшой полигон в овраге за городом для испытания взрывчатых веществ и отработки теории огнеметания. В этой работе также приняли участие профессора Наталья Алексеевна Бах и Альфред Янович Апин. Молодые тогда ученые, а ныне член-корреспондент Федор Иванович Дубовецкий, академик Николай Маркович Эммануэль, академик Яков Борисович Зельдович вели работы, нужные стране.

Мне бы не хотелось останавливаться на работах своих сотрудников. Это было время массового героизма всего нашего народа, в том числе, разумеется, и его ученых. Лауреат Ленинской и Нобелевской премий, академик Александр Михайлович Прохоров, в то время начинающий ученый, был разведчиком, Николай Геннадиевич Басов, тоже потом академик и лауреат этих же премий,— военным фельдшером, будущий академик Юрий Владимирович Линник возглавлял военно-топографическую разведку артполка, а академик Георгий Николаевич Флеров сражался в народном ополчении. Работы академиков Андрея Николаевича Колмогорова по теории вероятности и Михаила Алексеевича Лаврентьева нашли применение в артиллерии. Еще раз подчеркиваю — тогда фронт был всюду.

— Разрешите дополнить ваш рассказ. Вот документ из архива. Сотрудники Астрономического института АН СССР в Ленинграде, представители одной из самых мирных профессий, составили Большой астрономический ежегодник. Сведения, почерпнутые из него, оказались весьма необходимыми для ориентирования кораблей и самолетов. Заместитель командующего ВВС писал в приказе: «За ценный вклад, внесенный ленинградским астрономическим институтом в дело обороны страны, объявляю всему составу института благодарность». Треть ученых не прочитали этот приказ — они погибли от голода и артобстрела в блокадном городе...

— Да, наш народ, его ученые прошли через самые тяжкие испытания. Героизм был массовым, обо всем не расскажешь, вот почему я касаюсь лишь того, что мне ближе,— работы моих товарищей.

Вернусь опять к первому дню войны. В этот воскресный день сотрудники одной из лабораторий Физтеха, которую возглавлял Юрий Борисович Кобзарев, испытывали под Ленинградом мощную радиолокационную установку. В тот же день, 22 июня 1941 года, Ленинградский военный округ издал приказ: «Испытания считать законченными, и переключить установку на боевое охранение города от воздушного нападения». Вот, кстати, еще один пример того, что война не застала наших ученых врасплох.

Еще до войны в лаборатории Физико-технического института, которую возглавлял нынешний президент АН СССР академик Анатолий Петрович Александров, был разработан способ защиты кораблей от магнитных мин. 9 ав-

АТСКИХ ШИНЕЛЯХ

густа 1941 года Александров вылетел в Севастополь вместе с будущим организатором нашей атомной науки академиком Игорем Васильевичем Курчатовым.

— Однако, Николай Николаевич, с именами Курчатова и Александрова у читателей связывается обычно решение атомной проблемы. И вы получили Нобелевскую премию за цепные реакции. Нет ли связи между их и вашими работами? Об этом недавно говорил на Президиуме АН СССР академик Александров.

— Хотя я никогда непосредственно не занимался ядерными реакциями, тем не менее старые наши работы по цепным реакциям все же имели, как я думаю, значение для первоначального развития учения о ядерных цепных реакциях. Вообще эта проблема углубленно разрабатывалась в институте Химфизики. Еще в 1939 году молодые тогда сотрудники института, ныне академики Юлий Борисович Харитон и Яков Борисович Зельдович опубликовали в журнале «Техническая физика» первый подробный разбор применимости этой теории к управлению реакцией деления урана. А 22 июня 1941 года (снова эта дата!) «Правда» напечатала интервью из нашего института под заголовком «Советский циклотрон».

Недаром один из наших атомных физиков, Петржак, писал: «Если бы не война, не прекращение в связи с нею исследований, ни в чем бы мы не отстали от США, а, вполне вероятно, имели бы цепную реакцию и раньше 1942 года. Ведь уже в 1939 году мы в Ленинграде обсуждали все то, что Ферми делал в 1942 году». Но война нарушила наши научные планы. Жизнь заставила работать над тем, что нужно фронту сегодня. Например, группа ученых Физико-технического института во главе с Кобеко, оставшаяся в блокадном Ленинграде, занялась «Дорогой жизни», единственной ниткой, связывавшей город с Большой землей по льду Ладожского озера. Ученые выяснили, что наиболее опасные колебания льда возникают при скорости около 35 километров в час... Водителям машин была дана жесткая инструкция ездить по ледовой дороге либо медленнее, либо быстрее 35 километров в час. А в конце 1942 года подсчитали, какой режим движения танков возможен, и на лед вышли целые танковые части...

Эти и подобные им работы советских ученых помогли нашему народу выстоять, отстоять страну в первые, самые тяжелые месяцы и год войны. А потом уже пришло время и для атомной проблемы. Выдающуюся роль в ее решении сыграли Игорь Васильевич Курчатов и Анатолий Петрович Александров.

То, что народ не только отстоял свою Родину, но и завоевал мир на десятилетия, и есть, по-моему, главный итог Великой Отечественной войны советского народа.

— Николай Николаевич, вы известны не только как ученый, но также как борец за мир. Разъясните, что здесь могут сделать ученые.

— Настоящий ученый прежде всего гражданин. А гражданину небезразлично, во вред или во благо применяют результаты его труда.

Ответственны ли мы за то, что другие применяют во зло наши открытия, и в частности одно из наиболее великих — открытие атомной энергии? К сожалению, по-моему, да. Представьте себе мать, у которой насильно отняли ребенка и уродуют его... Разве не пойдет мать на все, вплоть до верной смерти, чтобы вырвать ребенка из этих рук? Так почему же ученые, у которых уродуют их любимых духовных детей, их открытия, не поступают, как эта мать? Нужно выступать за мирное сосуществование, за всеобщее и полное разоружение. И это понимают все прогрессивные деятели науки, к которым прежде всего относятся ученые СССР и стран социализма. Недавно также шестьсот пятьдесят четыре видных деятеля американской науки выступили с заявлением «Опасность: ядерная война». Обращаясь к его авторам, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев писал: «...Полностью разделяю вашу обеспокоенность как ученых за судьбу человечества в связи с угрозой ядерной войны. С того времени, как впервые атомная энергия была использована в военных целях, Советский Союз последовательно выступает за запрещение этого и всех других видов оружия массового разрушения и уничтожения».

Научные сотрудники ЛФТИ И. В. Курчатов, Ю. С. Лазуркин, А. Р. Регель (справа налево) во время работ по защите советских кораблей от мин противника. Севастополь, 1941 год.

Президент Академии наук СССР А. П. Александров со своими внуками на открытии монумента в Севастополе, воздвигнутого в честь советских ученых, которыми впервые в стране были проведены опыты по размагничиванию кораблей Черноморского флота.

Фото Д. Переверзева

В последнее время все чаще приходится слышать со стороны наших западных противников, в том числе и со стороны реакционных коллег: «О каком разоружении может идти речь, когда СССР только и ждет благоприятной ситуации, чтобы напасть». Это гнусное рассуждение, эта отвратительная ложь неустанно повторяется в капиталистической прессе.

Читая или слушая такую чудовищную клевету, советские люди ощущают огромное незаслуженное оскорбление. Мы победили в самой разрушительной войне во имя мира. Мы живем во имя мира. И поэтому мы предлагаем такое разоружение, которое станет надежной гарантией против любой войны.

Древние говорили: «Хочешь мира — готовь войну». Я бы сказал иначе: «Хочешь мира — убей войну в зародыше». В этом мне видится обязанность всех честных людей, и в первую очередь ученых, которые особенно ответственны за судьбы мира в наше время, в эпоху научно-технической революции.

Беседу вел Александр ХАРЬКОВСКИЙ.

Юрий ФЕДОРОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ПОГИБЛИ В

Они лежали метрах в пятидесяти от дороги, где застал их рассвет, и ждали. Ждали давно, так давно, что поземка намела над ними сугроб. И тот и другой ворочались под снегом, стараясь согреться, но это не помогало. Холод все глубже проникал под одежду.

Лежавший ближе к дороге время от времени поворачивал голову и, с трудом размыкая стянутые морозом губы, говорил:

— Ворочайся, ворочайся.

Поземка льдисто шуршала между кустами, и звук этот тяжелил веки, усыплял.

По шоссе вереницей шли и шли машины. Грузовики, крытые серо-зеленым брезентом, юркие штабные «опели» в пестрых разводах камуфляжа, тягачи с тяжело груженными прицепами. И конца, казалось, не будет ленте солдат, орудий, санитарных повозок и тяжелых минометов, влекомых мохноногими першеронами.

То и дело одна из машин перегораживала разбитое, разъезженное шоссе, и тысяченогая, тысячеколесная ящерица, ползущая по дороге, начинала дергаться. Под низким небом набухали шум, крики, истеричные гудки, лязг сталкивающегося металла, ржание лошадей. Пресный запах снега перебивала острая вонь бензинового перегара работающих на форсаже моторов.

Но через пять — десять минут движение восстанавливалось, и вновь неспешно катили машины и, отфыркиваясь, поводя заиндевелыми боками, шагали першероны, скрипели по наледи повозки.

Прошло часа три.

Двое по-прежнему лежали молча и неподвижно. С тем же унылым шелестом ползла поземка, и сугроб рос все больше, уже ощутимо наваливаясь на плечи.

Лежавший ближе к дороге попадал в различного рода передряги, но в такую тихую, медленно замораживающую ловушку обстоятельства загнали его впервые, и он ругал себя последними словами, хотя вины его в том не было. Больше всего он боялся за своего товарища и вновь и вновь, поворачивая к нему лицо, всматривался внимательно, говорил:

— Грейся, грейся, ворочайся.

О себе он не думал — считал, что выдюжит, а точнее, не брал это даже в расчет — его большое и сильное тело никогда не подводило.

Шоссе было полно голосов, надсадного воя моторов, лязга металла, и ветер то приближал эти звуки, то уводил в сторону. Он носил их над белым, застывшим безмолвием заснеженной, заледеневшей степи, как стаю воронья над дорогой, которая то падала к земле, то взмывала вверх, к низкому небу.

Так прошло еще около часа, и двоим в ложбинке на пологом спуске к шоссе теперь казалось, что в их телах не осталось ни капли теплой крови. Одежда их — драные пальтишки, истрепанные валенки, заледеневшие рукавицы — плохо грела. И хотя сугроб прикрывал от ветра, все же мороз брал свое.

У горизонта кровью наливался закат. Узкая багровая полоса, придавленная сизыми тучами. И от взгляда на эту полыхающую полосу становилось неуютно и зябко.

Неожиданно дорога опустела.

Подпрыгивая на неровностях, протарахтела солдатская кухня, рассыпая жаркие искры из поддувала, и все стихло.

Минут пять двое еще лежали неподвижно, затем тот, что был ближе к дороге, веря и не веря удаче, но зная твердо — медлить нельзя, развалил руками сугроб и выдохнул с хрипом:

— Вперед!

Две тени метнулись к шоссе. Проваливаясь в снег, задыхаясь, двое преодолели заметенный уклон, вскочили в кювет, бросились на дорогу. Но почти проскочив темную, залитую конской мочой, мазутом, соляркой, бензином десятиметровую ледяную полосу, первый вдруг нелепо взмахнул руками и ударился оземь. Второй, скользя заледеневшими валенками, ткнулся в него, упал на колени.

— Что? Что с тобой? — выкрикнул он.

Первый уперся руками в неровную наледь. Нога его неестественно, углом, торчала из-под рваной полы пальто.

— В кровь их и в сердце...— хрипел он, елозя руками по дороге.

Из-за поворота накатывался рев пробуксовывающего на подъеме грузовика. И, слыша нарастающий шум мотора, первый поднялся, рывком перевалил через придорожный сугроб.

До спасительных кустов с торчащими среди них редкими деревцами алычи было метров сорок, не больше. Сильно забрасывая руки, запаленно дыша, они ползли по целине, но рев мотора стремительно нарастал за спиной, и было ясно, что эти сорок метров им не проскочить.

Тогда первый крикнул:

— Ложись!

Оба ткнулись головами в снег, не надеясь уже ни на что.

Машина вынырнула из-за поворота, за высоким бортом торчали каски солдат. Два человека на снегу были, как два черных пятна. Но шофер грузовика, утомленный трудной дорогой, лишь скользнул по ним незадержавшимся взглядом. Тяжелая «шкода» покатила дальше. Солдаты даже не подняли голов.

— Вперед,— вновь поднялся первый, как только рев грузовика стих, и, так же сильно забрасывая плечи, пополз по багровеющему в лучах заката льдистому снегу.

На этот раз, прежде чем на дороге появилась машина, они добрались до кустов, скатились в яму и, привалившись к ее стенке, замерли. Из открытых ртов рвались клубы пара, глаза блестели, обшаривая углы ямы.

С шоссе по-прежнему доносился гул автомобильных моторов.

— Ну...— с трудом сказал первый.— Счастлив наш бог... Сергей... Не думал я... что проскочим... Считал, хана.

Сергей глянул на него из-под шапки, но не ответил, дыша тяжело и прерывисто.

Первый, уже обмявший вокруг себя снег и устроившийся в яме сразу удобно и ловко, был высок, хотя и сидел согнувшись, широкоплеч и большерук. Лицо его, сизо-багровое от мороза, было ладное, крепкой кости, какие бывают у сильных и волевых людей, поживших и повидавших немало. Он справился с бурно рвавшимся из груди дыханием и спокойно и молча смотрел на товарища оценивающим взглядом, что-то соображая и прикидывая.

Второй, Сергей, был много у́же в плечах, меньше ростом, и в том, как он приткнулся в углу ямы, поднял воротник легонького пальтеца, как придерживал его у горла заскорузлой, заледенелой рукавицей, виден был человек, непривычный и к степи, и к леденящему морозу, и ко всему тому, что только что произошло с ними и вполне могло повториться сейчас же, и через минуту, и через две или три. Грудь его все еще вздымалась. Он никак не мог унять сбившееся дыхание.

— Закурить бы,— сказал первый.

Сергей тотчас снял рукавицу и полез в карман.

— Нет, нет,— остановил его товарищ, поднимая руку,— уходить надо отсюда. Подождем чуток, стемнеет — и тронемся.

После паузы добавил:

— Ты встань, разомнись, обей рукавицы. С дороги нас здесь не углядишь. Походи, походи.

Сергей поднялся, снял рукавицы и сильно застучал ими о валенки.

А первый все соображал что-то, не отводя взгляда от неловко топтавшегося в яме товарища. И все пробовал упереться ногой покрепче в валежину под снегом, и чувствовал боль в колене, и оттого морщился и упирался вновь, не желая верить, что нога повреждена серьезно. Он так и говорил себе: «Испортил ногу, дурак, испортил»,— как будто это была не живая часть его тела, а механизм, долго и верно служивший исправно, но вдруг в самый неподходящий момент отказавшийся действовать. И, не веря, что нога откажет, он встал, но, охнув, тяжело сел в снег. Острая боль пронзила его до затылка.

Сергей резко повернулся к нему:

— Что, нога? Подвернул? Сломал? Ну, Семен?

Семен, сцепив зубы, сказал с трудом:

— Черт ее знает... Наверное, вывихнул.

— Давай взгляну.

— Нет, не время.

Боль чуть отпустила, и он расслабленно откинулся на стену ямы. Сказал:

— Глянь на шоссе, что там?

Сергей, подавшийся было к нему, полез из ямы.

Снизу Семену был виден темный бугор его спины, отброшенный ветром в сторону наушник бараньей черной шапки с въевшимися в шерсть кристаллами снега. Сквозь неплотную ткань угласто проступали лопатки.

Закатная полоса у горизонта погасла. В яме стало черно, и только стена, противоположная закату, отсвечивала голубовато и холодно. Сергей сполз вниз и, не присаживаясь, сказал шепотом, хотя услышать его никто не мог:

— Идут грузовики. Ветер переменился — не слышно, но идут. Силуэты хорошо видно.

— Ладно,— ответил Семен,— садись. Вот что, парень, мы сейчас крюк сделаем. Обойдем это место. За холмами хата есть заброшенная, там осенью мы оружие спрятали. Два автомата, запасные диски к ним, десяток гранат, три парабеллума. Нам до хаты надо обязательно добраться.

— А как пойдешь,— спросил Сергей,— с такой ногой?

— Так и пойду,— ответил Семен и добавил уже с раздражением: — Не пойду, так поползу. Здесь километра четыре всего.

— Может, я один,— сказал Сергей, и в голосе его впервые прозвучали настойчивые нотки.

— Нет,— ответил Семен,— ты не найдешь, да у меня и думка есть. Не торопись. Поперек батьки в пекло не суйся, а я тебе за́раз вроде батьки.

Сергей промолчал.

— На́ нож,— сказал Семен, доставая из внутреннего кармана большой рыбацкий нож,— вырежь палку потолще. С рогулькой, так, чтобы под мышку упереть заместо костыля.

Сергей взял нож и снова полез наверх.

Семен откинулся на стену. Ему нестерпимо хотелось курить. Но дорога была в полусотне метров, и он не хотел рисковать.

Сергей чуть слышно пошумливал в кустарнике. Искал подходящее деревцо. Наконец смолк, видно, нашел и резал твердый, как камень, промерзший насквозь алычовый ствол.

Семен ждал. Он не сказал Сергею главного. А главным было то, что он из-за нелепой случайности на дороге выбывал из дела, которое поручено было выполнить им двоим. И понимал он это ясно.

Он не знал, сломал ли ногу или вывихнул, но чувствовал: она распухла так, что ей тесно было в валенке, и боль не стихала, а нарастала пульсирующими, острыми ударами, отда-

ваясь в позвоночнике. Семен еще раз попробовал упереть в валежину ногу, но уже не смог ею двинуть. Он решил: доберемся до хаты, возьмем оружие, а там поговорим. Семен не хотел ставить последней точки, смутно надеясь на что-то, хотя и видел — надеяться не на что.

С шуршанием в яму скользнула палка, и следом сполз с обрыва Сергей.

Семен повертел палку в руках. Это был толстый, крепкий ствол деревца с удобной, широкой рогулиной на конце.

— Добрый костыль,— сказал Семен и, пристраивая палку под мышку, уперся свободной рукой в стену, встал и неумело заскакал по утрамбованному валенками снегу. Повеселев, сказал:

— Добрый, добрый костыль. Ну, пошли.

Он лег животом на край ямы и вылез наружу.

Перед ними лежала степь, черная, ночная, безмолвная.

На шоссе блеснул огонек. Кто-то из водителей включил на мгновение фары. Взвыл мотор. Ветер донес обрывки голосов. Семен,

БОЮ

согнувшись, как для прыжка, настороженно оборотился к шоссе. Но свет погас, и голоса смолкли.

— Буксует, видно, фриц,— сказал Семен,— пошли. Ему сейчас не до нас. В степи он не любит оставаться ночью. Пошли.

Он сделал первый шаг, попытался вырвать из снега костыль, но замешкался и рухнул всем телом вперед. Шапка у него упала с головы. Он нащупал ее в темноте, нахлобучил кое-как и начал подниматься. Сергей подхватил его под руку.

— Постой,— сказал Семен,— я сам.

Поднялся. Примерился, как бы половчее ступить, и сделал второй шаг, выдернул из снега костыль, бросил вперед, но палка чиркнула по льдистому насту, увязла, и он опять грузно упал в снег. Трижды он поднимался и трижды падал. Свалившись в последний раз, повернулся на спину и с остервенением переломил палку о здоровое колено. Лица его Сергей не видел, но услышал, как Семен промычал что-то сквозь зубы злое и упрямое.

— Давай я потащу тебя,— наклонился Сергей,— возьму на спину.

— Нет,— ответил Семен,— я тяжелый, тебе силы надо беречь. Поползу я. Доберемся.

Ночь над степью загустела темными красками, и уже не было видно ни дороги, ни дальних, ни ближних холмов, ни кустарника, из которого они только что вышли, и само небо притиснулось к земле черным пологом без единой звезды.

Семен, лежавший в снегу навзничь, перевернулся на живот, помедлил немного, всматриваясь в черноту ночи, и пополз.

Четыре километра до заброшенной хаты заняли у них три часа. Семен полз, почти не останавливаясь, тащил свое тяжелое тело на локтях, время от времени вытирал лицо рукавицей, ругался и полз дальше. Дважды они пересекали глубокие овраги, доверху заметенные снегом, пробирались крутояром, вышли к колхозному саду и только тогда увидели впереди черную тень хаты. Как ориентировался Семен в ночной, без единого огонька, заметенной небывалым в этих местах глубоким снегом степи, было непонятно, но вышли они точно.

Пальто на Семене промокло от пота и дымилось паром, но он так и не позволил Сергею тащить себя, повторяя:

— Доберемся, доберемся. Тебе силы надо беречь.

Сергей отвалил кол, подпиравший дверь хаты. В лица пахнуло запахом лежалых яблок, старой соломы, мышиного помета.

В хате Семен уткнулся лицом в прелую солому и так лежал минуту или две. В темноте было слышно, как он дышит: хрипло, со свистом. Потом зашуршала одежда. Семен шарил по карманам. Вспыхнула спичка, и он, показав в угол, за печкой, сказал:

— Копай здесь.

Обломком доски Сергей ударил в твердую, утоптанную землю. Семен сидел, привалившись к печи, настороженно слушая в темноте скребущие звуки. Спросил с тревогой:

— Ну, что там?

— Зацепил,— ответил Сергей,— вроде мешок.

— Точно мешок,— облегченно сказал Семен,— порядок.

Минут через пять Сергей вытянул из ямы тяжелый мешок, подтащил к Семену. Тот ощупал его в темноте. Сказал:

— Подай доску.

— Доску? — удивленно переспросил Сергей.

— Да, да, лучины нащиплем. Не в потемках же сидеть.

Рыбацким ножом Семен ловко отколол ровную лучину и, пристроив к печи, зажег.

Неяркий огонек осветил хату: невысокий потолок, темные стены, земляной пол.

Семен склонился над мешком. Распорол рядно, достал автомат, второй, диски, гранаты, пистолеты. Разложил, как для осмотра, и сказал смягчившимся голосом:

— Теперь закурим.

Не торопясь, сильными, плоскими пальцами он свернул цигарку, прикурил и затянулся. Слежавшиеся от пота волосы его лежали на лбу клочьями.

Сергей, сидя напротив, тоже закурил, но закашлялся.

— Злая махорка,— сказал Семен,— ты полегче бери в себя. Это не «Беломор».

Улыбнулся впервые за все время, что они были вместе. Странная это была улыбка. Все еще запеченные морозом губы слушались плохо, веки, обмерзнув, тяжело нависали над глазами, но сами глаза сверкнули вдруг неожиданным благодушием, свойственным, быть может, только русскому человеку, который, выйдя нечаянно из смертной беды, уже не думает об этом, испокон веков веря — авось, и из другой выйду.

Семен сдул пепел и вновь глубоко втянул дым. Лучина горела неровно, и тени плясали по хате. Разложенное оружие светило свежим масляным блеском.

«Вот теперь пора,— подумал Семен,— поговорить и о главном».

В это же утро на шоссе Ростов — Батайск можно было увидеть двух женщин. Шли они на

виду, не спеша, клонясь под резкими порывами ветра. Каждый раз, как догоняла машина, женщины покорно отступали в сторону, глубоко увязая в снегу. Одна из них тащила на веревке, перекинутой через плечо, детские саночки с громоздившимися на них узлами. То с той, то с другой машины солдаты кричали женщинам что-то, но они, не поднимая укутанных платками голов, шли все так же, не спеша, по самому краю заметенного снегом шоссе. Определить их возраст было трудно: на спинах женщин уродливо горбились темные крестьянские жакеты из грубой вылинявшей ткани, а лиц было не разглядеть под низко повязанными толстыми платками. Да на них никто и не обращал особого внимания — типичные фигуры беженцев, примелькавшиеся на дорогах.

На одном из поворотов шоссе ветер ударил так резко, что женщины остановились. В это мгновение из-за деревьев вынырнула машина. Женщины метнулись на обочину. Шофер круто взял в сторону, но машина пошла юзом по наледи и только чудом удержалась на шоссе. Все же заднее колесо машины задело санки, и они, перевернувшись, рассыпая узлы, покатились под откос. Шофер, ступив на подножку, крикнул стоящим по пояс в сугробе женщинам:

— Donnerwetter! Schweine!

Лицо у него дергалось, желтые губы зло кривились. С треском захлопнув дверцу, шофер нажал на газ. Машина, обдав женщин чадной бензиновой гарью, скрылась за поворотом.

Женщины стояли неподвижно, затем, не говоря ни слова, начали спускаться с откоса. Снег осыпался у них под ногами, сползал пластами. Но они все же спустились вниз и долго возились в глубоких наносах, пока собрали разбросанные узлы. Затем, скользя и падая на крутом склоне, поднялись на шоссе, сложили узлы на санки и, непослушными, замерзшими руками увязав их вновь, тронулись вперед, еще покорнее уступая дорогу машинам.

Начался снегопад. Снег садился на темные узлы, уложенные на санки, белил черные платки женщин, но они шли и шли, наклонив головы и пряча лица.

К полудню они вышли к окраине Батайска. Впереди темнели дома, а перед ними чернобелой полосой перечеркнул дорогу брус шлагбаума. У шлагбаума маячил часовой. Похаживал, притоптывал по снегу. Над плечом у него торчал карабин.

Женщины все так же шли по краю шоссе. Снег поскрипывал под полозьями саней, поземка катила под ноги. Над домами Батайска ветер рвал, носил клочья серого дыма.

Часовой глянул на дорогу, увидел уныло бредущие фигуры и на мгновение задержал на них взгляд. Но мороз зло щипал лицо, и часовой, прижав локтем карабин, снял рукавицу, поправил заиндевевший подшлемник. Отвернулся, заходил, пристукивая коваными каблуками.

Пройдя раза три вдоль шлагбаума, часовой вновь глянул на шоссе. Два человека медленно приближались. Теперь немец разглядел, что это женщины, увидел и сани, которые тащила одна из них. Но ветер бросил ему в глаза горсть снега, и часовой, поморгав белесыми ресницами, вновь заходил вдоль шлагбаума. На исходе был второй час его дежурства на продуваемом всеми ветрами посту, и часовой замерз до крайности, думая как о великом благе о предстоящей смене. Он повернулся спиной к шоссе и поднял воротник. Так все же было потеплее. Застучал каблуками. Подумал: «Как русские согреваются, приплясывая на морозе? Здесь пляши не пляши, теплее не будет».

Но на всякий случай еще раз постучал каблуками, даже побил ногу об ногу. Стало потеплее. Часовой ожесточенно заколотил в дорожную наледь тяжелыми сапогами.

За спиной загудела машина. Часовой оглянулся. Черный штабной «опель», настойчиво сигналя, остановился у шлагбаума. Дверца машины распахнулась. На сиденье рядом с шофером часовой увидел офицера с майорскими погонами на плечах. Тот сунул ему удостоверение. Часовой потянул носом и с острой завистью почувствовал пахнувший из кабины аромат коньяка. Он вернул удостоверение. Поднес руку к запорошенной снегом каске, повернулся, шагнул к шлагбауму и потянул за обмерзшую веревку, поднимавшую брус.

Машина тронулась. Тут же часовой увидел женщин, нырнувших под еще не опущенный шлагбаум.

— Halt! — крикнул немец, отпуская веревку.— Halt!

Но женщины уже миновали шлагбаум и шагали к городу. Часовой сдернул с плеча карабин, щелкнул затвором. Крикнул по-русски:

— Стоять! Буду стрелять!

Женщины остановились. И сразу же та, что тащила сани, шагнула к немцу и быстро-быстро заговорила:

— Мы идем вещи менять на продукты, понимаешь, вещи. На продукты. Менять! Кура, яйки, сало... Вещи на продукты!

Женщина наклонилась и, развязав один из лежащих на санях узлов, стала выбрасывать из него юбки, половики, старые платья. Перед глазами часового замелькали ее руки, цветные, пестрые тряпки.

— И вот еще,— сказала она, доставая из тряпок темную большую бутыль и кружку,— самогон, шнапс, понимаешь, самогон.

— Самогон,— опешил часовой,— самогон есть хорошо.

Женщина зубами вытащила пробку и, продолжая говорить так быстро, что ее трудно бы было остановить, налила кружку до краев:

— Понимаешь, вещи, вещи на продукты.— Она сунула кружку в руки немцу.— Пей, пей, это тебе, а мы пойдем. Пей. Вещи на продукты...

Это была большая эмалированная посудина, куда наверняка входило не меньше поллитра.

— О... самогон...— протянул часовой, округляя губы. Поднял кружку. Самогон жарко обжег гортань. Часовой пил жадно, большими глотками.

Отдуваясь, он опустил кружку. Женщины шли по шоссе к городу. Они были уже шагах в пятнадцати.

— Halt! — крикнул часовой и хотел было сбросить с плеча карабин, но в руках у него была кружка с недопитым самогоном. Часовой глянул на плескавшуюся белесоватую жидкость, на медленно удалявшиеся спины женщин, траурные их платки, на порошу, заметающую следы, согнувшиеся под ветром деревья, выдохнул все еще перехватывающий горло, крепкий сивушный дух и допил остатки.

Женщины были едва видны в снежных сполохах.

Часовой махнул рукой. Ветер толкнулся в полы его дрянной шинелишки и задрал их до головы. Часовой отвернулся от жесткого порыва. Когда ветер стих, часовой вглядется в даль улицы, но женщин уже не увидел.

Пройдя почти до железнодорожной станции, они свернули в проулок и остановились у невысокого дома, выходившего в палисадник тремя оконцами. Во дворе, у сарая, старик в полушубке колол дрова.

— Эй, диду! — крикнула одна из женщин неожиданно молодым, звонким голосом.— У вас нельзя остановиться?

Дед оглянулся, опустил топор, посмотрел внимательно и, помедлив с минуту, спросил:

— А вы виткеля такие бойкие?

— Да мы вещи пришли менять на продукты. Переночевать бы, согреться. Промерзли на ветру.

Дед аккуратно положил топор на чурбан, ступая по едва заметной тропке, подошел к плетню. Видно было, что людей в доме не густо — топтать некому.

— Какие такие вещи? — спросил он, прищуривая глаз под кустистой бровью.

— Да из Ростова мы, вещи меняем на продукты,— заторопилась одна из женщин,— из Ростова.

— Вот это и вещи? — спросил дед, указывая на узлы.

— Да,— ответила первая, заговорившая с ним, и сдвинула платок со лба. На деда глянули большие, черные, молодые глаза.

— Мы заплатим,— сказала она,— а может, у вас что выменяем.

«Ишь расторопная какая»,— глядя на нее, подобрел дед и, повернувшись, пошел к дому. Сказал:

— Ступайте в курень — не стойте у ворот, что людям глаза мозолить. Санки в сени затяните.

Полушубок на нем был латаный, с перемазанными дегтем полами.

В курене встретила женщин худая, высокая старуха с серым, изборожденным морщинами лицом. Большим, широким ножом она рубила у окна желтые сухие табачные листья. Спросила сразу: кто такие, откуда идут, зачем?

Хлопнув дверью, вошел дед и, обивая у порога валенки, сказал:

— Ты бы, мать, чуток сбавила прыть.

Старуха глянула на него, но ничего не ответила.

Дед скинул полушубок, прошел к столу, сказал, сбрасывая с усов сосульки:

— Люди с дороги, передохнуть, обогреться надо.

Женщины сняли толстые жакеты, развязали платки, сели к столу, и оказалось, что это совсем молодые люди — лет по восемнадцать, не больше.

В курене было тепло, чисто. Пол, отмытый веником, желто блестел. В печи неярко тлел кизяк, и от него чуть попахивало кисловатым дымком.

— Так,— сказал дед — он был большой, широкий, даже тесно становилось под низким потолком от разворота его плеч,— как же вас кличут?

— Меня Галя,— ответила черноглазая, заговорившая с ним через плетень,— а ее Настя. Она кивнула на подругу.

— Угу,— буркнул дед, переводя взгляд с одной на другую,— и виткеля вы идете?

— Из Ростова, я же говорила,— сказала та, что назвалась Галей,— вещи меняем.

— Давно в дороге со своим товаром?

Старуха молча стучала ножом по столу. Взглядывала из-под платка недобро.

— Нет,— ответила Галя,— сегодня утром вышли. К вам первым завернули.

— Так,— протянул дед,— а когда шли по шоссе, машины больше навстречу попадались или обгоняли?

Галя, пожав плечами, ответила не сразу:

— Больше навстречу.

— Вот и я гутарю,— оживился старик,— немец неспокойный, видать, вспять повернулся. Я уже, примечай, месяца два ни одного ходока из Ростова не видел. Что ж вас, отчаюг, из города в такой час выгнало?

— Голод,— четко и твердо сказала Настя,— он кого хочешь выгонит.

Дед повернулся к ней, взглянул остро:

— Голод не тетка, это так...

— А вас как звать? — спросила Галя.

— Акимычем,— ответил он. Затем встал, снял с полки лампу, сказал:— Узлы ваши я в подпол снесу, чего им на виду стоять.

Он взял лампу и ушел в сени.

Девушки за столом переглянулись, пряча взгляды от старухи, но та, казалось, была целиком занята своим делом. Нож ловко и быстро ходил у нее в руках.

В курене было слышно, как дед в сенях поднял ляду, затем заскрипели под его тяжелым телом ступени, ведущие в подпол. Девушки настороженно прислушивались.

А дед, спустившись в подпол и поставив лампу на одну из ступеней, остановился над узлами.

— Так,— пробурчал в бороду по стариковской привычке,— грех-то оно грех, но надо знать, за что голову класть, если придется.

Он наклонился и решительно развязал один из узлов. Под тряпками лежали плитки тола. Он поднял одну из плиток, повертел в пальцах. Побросал в жесткой ладони. «Вот, значится, какие вещи... Издалека тянут... А страху у них нет...»

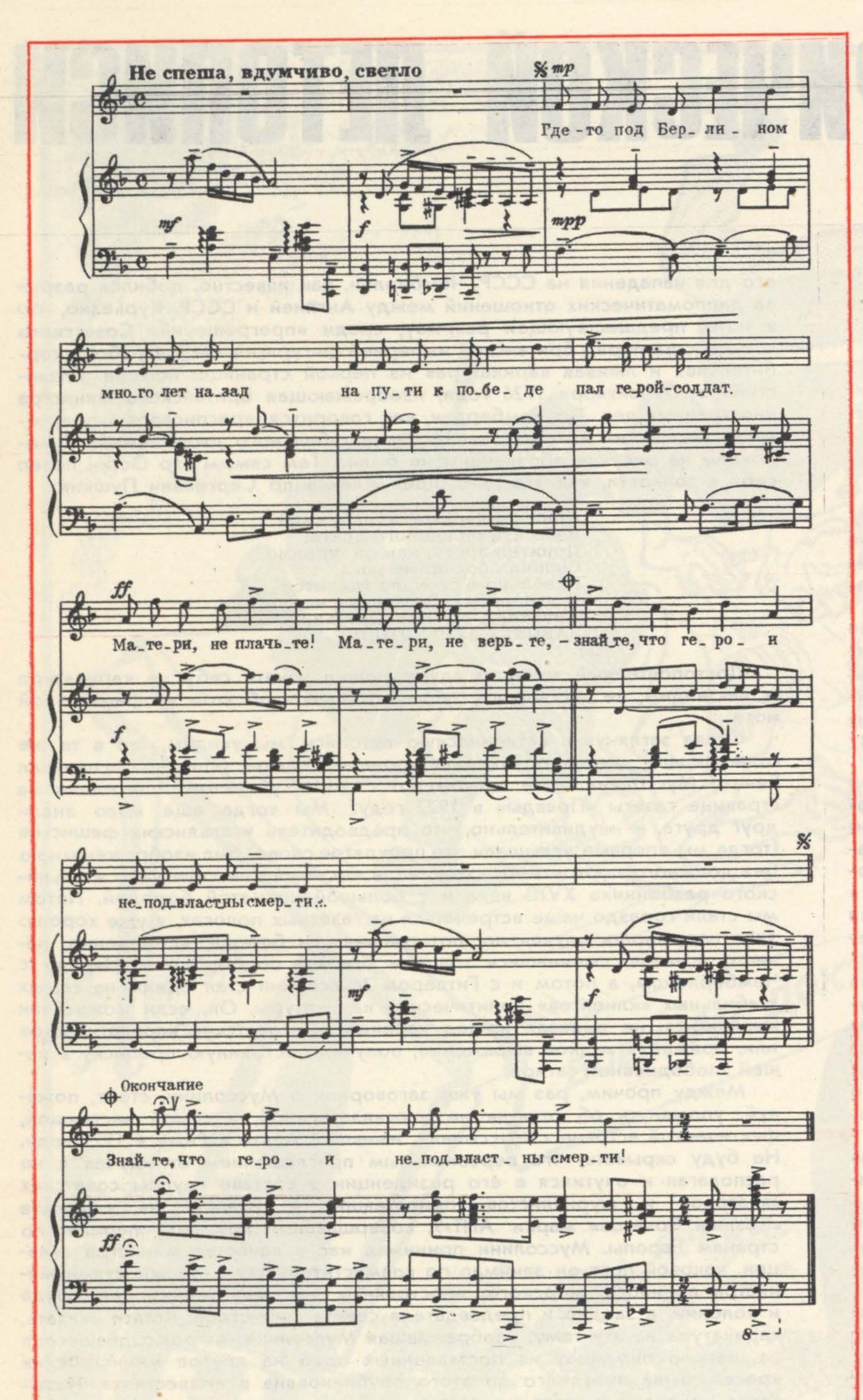
— Теперече ясно,— сказал он негромко и, старательно стянув узел, положил его в дальний угол и забросал дерюжками.

Когда он вошел в курень, Галина, таясь, посмотрела на него. Вторая, Настя, глаз не подняла.

Дед поставил лампу на место. Подумал: «А за старшую у них вот эта, молчаливая, Настя». И, глядя на ее опущенную голову, понял — она догадалась, что он порылся в узлах.

— Ну что, мать,— сказал он,— давай вечерять. Собирай на стол. Принеси сала. Люди они молодые.

Продолжение следует.

ЖИВ ГЕРОЙ

Музыка К. ЛИСТОВА Стихи В. БОРДИЛОВСКОГО

Перевод с белорусского А. ЖАРОВА

Где-то под Берлином
Много лет назад
На пути к победе
Пал герой-солдат.

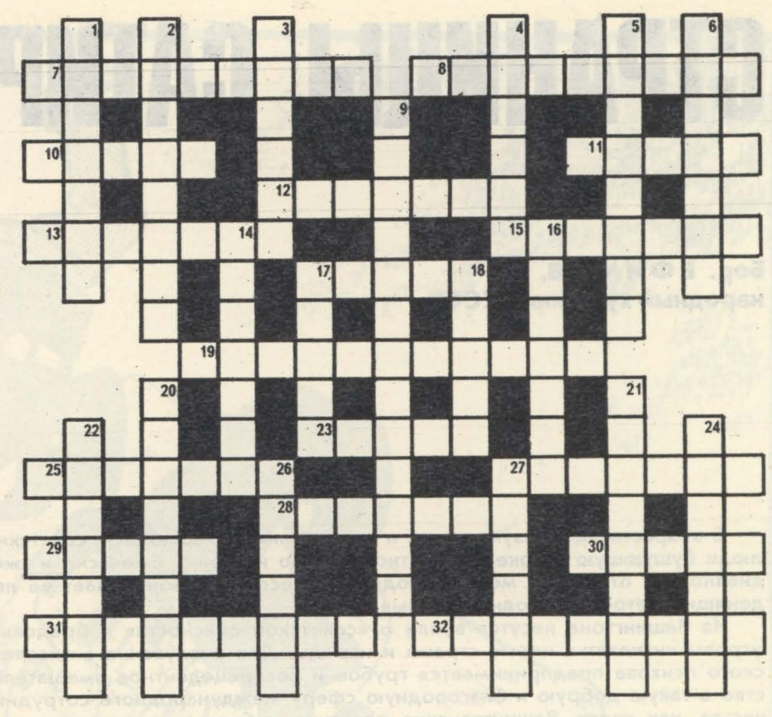
Припев:
Матери, не плачьте!
Матери, не верьте,—
Знайте, что герои
Неподвластны смерти.

Неба синь — без края.
Солнцем день богат.
Знай, страна родная:
Жив герой-солдат!

Припев.

Расцветает краше
Мирной жизни сад.
Реет знамя наше —
Жив герой-солдат...

Припев.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Опера М. П. Мусоргского. 8. Знак препинания. 10. Промысловая рыба семейства кефалей. 11. Шеренга. 12. Примечание автора в тексте пьесы. 13. Крупное морское судно. 15. Матросский танец из балета Р. М. Глиэра «Красный цветок». 17. Народный художник СССР. 19. Персонаж комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». 23. Пушной зверек. 25. Повесть М. Горького. 27. Рукоделие. 28. Картина П. Пикассо. 29. Остров в Карском море. 30. Первый русский литературный альманах, издававшийся Н. М. Карамзиным. 31. Город в Хмельницкой области. 32. Род трудовой деятельности, занятий, специальность.

По вертикали: 1. Ночная птица. 2. Герой поэмы Г. Лонгфелло. 3. Атомный ледокол. 4. Охотничья собака. 5. Проверка, наблюдение 6. Сорт яблок. 9. Отрасль искусствознания. 14. Советский физик, академик. 16. Вид продовольственных товаров. 17. Часть автомобиля. 18. Курорт во Франции. 20. Русский ученый, один из основоположников современного почвоведения. 21. Тяжелоатлет. 22. Советский летчик-космонавт. 24. Спутник планеты Уран. 26. Сказка Х. Андерсена. 27. Река в Таджикской ССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 7. Каттегат. 8. «Турандот». 9. Перепелятник. 11. Геро. 12. «Овод». 13. Тулома. 16. Брусника. 17. Лаборант. 18. Котильон. 20. Дебрецен. 22. Секанс. 24. Перу. 25. Июнь. 26. Метеорология. 29. Васнецов. 30. Скоморох.

По вертикали: 1. Кантемир. 2. Желе. 3. Патент. 4. Куртка. 5. Пари. 6. Котлован. 9. Постскриптум. 10. Колориметрия. 14. Ударение. 15. Молибден. 19. Оффенбах. 21. Единорог. 22. Слепок. 23. Скобки. 27. Елец. 28. Ижма.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: А. Лысенко. ПОБЕДА.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва. Вечный огонь у могилы Неизвестного солдата.

Фото Дм. Бальтерманца

Главный редактор—А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей—214-33-70; Международный—212-30-03; Социалистических стран—250-24-21; Искусств—250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 253-39-04; Оформления—212-15-77; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 14.04.80. Подписано к печати 05.05.80. А 00356. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1054. Заказ № 2226.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

СТРАНИЦЫ САТИРИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Бор. ЕФИМОВ,
народный художник СССР

С возрастающим изумлением и негодованием наблюдают советские люди бушующую за океаном антисоветскую истерию. Ежечасно и ежедневно она отравляет международную атмосферу, пронизывает ее леденящим ветром «холодной войны».

Из Вашингтона несутся вопли о «советской опасности» и бредовые угрозы «наказать» целые страны и народы. Для раздувания антисоветского психоза предпринимается грубое и беспрецедентное вмешательство в такую добрую и благородную сферу международного сотрудничества, как спорт. Вашингтонские политиканы буквально охрипли, приказывая, призывая, умоляя и заклиная бойкотировать Олимпиаду в Москве.

Мне думается, что если бы для измерения политического бешенства существовала 12-балльная система, подобная сейсмической, то судорожные толчки и зигзагообразные колебания, имеющие своим эпицентром район Белого дома, можно было бы определить по этой шкале где-то между 8-м баллом («разрушительные») и 10-м («уничтожающие»). Надо ли пояснять, что разрушительными эти толчки являются для престижа вашингтонской администрации, а уничтожающими для всякого доверия и уважения к США как к политическому и экономическому партнеру.

Советские люди немало перевидали подобных демагогов за минувшие десятилетия. А я, принадлежа к старшему поколению художников сатирической публицистики, как бы вижу события прошлых лет сквозь призму политических рисунков, которые во все годы борьбы Советской страны за свою свободу и независимость на страницах газет и журналов, в плакатах выражали презрение и насмешку нашего народа по адресу антисоветских политиканов и генералов, спесивых сенаторов и твердолобых лордов, расистских мракобесов.

Вспомним хотя бы одного из самых ретивых и остервенелых врагов молодой Советской республики — лорда Керзона, по должности британского министра иностранных дел. Кто теперь помнит это имя? А ведь в начале двадцатых годов в связи с предъявленным им нашей стране вызывающим и грубым ультиматумом оно не сходило с газетных страниц, а злые, ядовитые карикатуры так и сыпались на распаленного антисоветским бешенством лорда. Ультиматум Керзона, естественно, не испугал советский народ, и зарвавшийся лорд увял. Его провокационный наскок, имевший целью «прощупать» шансы на новую антисоветскую интервенцию, закончился позорным провалом. Впрочем, были и некоторые реальные последствия: был проведен всенародный сбор средств на постройку военно-воздушной эскадрильи «Ультиматум», а комсомольцы распевали на демонстрациях озорные частушки, сочиненные, если не ошибаюсь, Александром Жаровым, где довольно недипломатически рифмовалось «лорду» и «в морду». Вспоминаю также, что журнал «Огонек», начавший незадолго до этого выходить в свет, выпустил 1 июля 1923 года «внеочередной авио-номер», весь доход с которого целиком поступил Обществу друзей Воздушного Флота СССР. По просьбе редактора для обложки этого номера я смастерил фотомонтаж: сверху распростер могучие крылья краснозвездный самолет, а внизу из роскошного автомобиля с британским флагом в «бессильной яри» высовывается автор ультиматума.

Убравшегося вскоре в отставку и канувшего в Лету забвения Керзона заменил в качестве главной мишени советских карикатуристов весьма буйный американский сенатор Юз. Он, правда, не решился предъявлять Советскому правительству ультиматумы, но тоже пытался пугать грозными окриками. Петушился он не очень долго, но, подобно своему предшественнику Керзону, успел надоесть и карикатуристам и читателям, а через короткое время под давлением прогрессивной общественности США вышел на пенсию.

Однако, как говорится, свято место пусто не бывает, и к моменту исчезновения Юза вниманием советских карикатуристов почти безраздельно завладел новый британский мининдел, Остин Чемберлен, побивший, пожалуй, рекорды всех своих предшественников по числу антисоветских провокаций, нападок и угроз и одновременно по количеству нарисованных на него карикатур, редкий день не появлявшихся в советской печати.

Вскоре надменная физиономия сэра Остина с неизменным моноклем в глазу чудовищно навязла у всех на зубах. Это ощущение забавно отразил в очередном своем рисунке карикатурист «Правды» В. Дени. Он изобразил самого себя на коленях в позе кающегося грешника с шаржем на Чемберлена в руках и подписал под этим: «Вяжите меня, братцы, я опять Чемберлена нарисовал!»

Стараясь изолировать Советский Союз, натравливая на него полуфашистские режимы некоторых европейских государств и проводя политику возрождения германского милитаризма в целях использования его для нападения на СССР, Чемберлен, как известно, добился разрыва дипломатических отношений между Англией и СССР. Курьезно, что в ноте, предшествующей разрыву, среди «прегрешений» Советского государства перед Британской империей фигурировала и «грубо оскорбительная и лживая карикатура» на первой странице номера «Известий» от 29 октября 1926 года, изображающая британского министра иностранных дел. Тут Чемберлен, как говорится, «расписался в получении», так как ни имя, ни звание респектабельного джентльмена с моноклем на рисунке обозначены не были... Тем самым сэр Остин повел себя в точности, как это предвидел Александр Сергеевич Пушкин:

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага;
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Приятней, если он, друзья,
ЗАВОЕТ СДУРУ: ЭТО Я!

Достопочтенный министр сдуру решил узнать себя на карикатуре и, как видим, не постыдился публично заявить об этом в официальной ноте.

Снова заглянув в сатирическую летопись, мы увидим, что в те же годы первое место по «карикатуронадоеданию» успешно оспаривал Бенито Муссолини. Мое знакомство с этим субъектом произошло на странице газеты «Правды» в 1922 году. Мы тогда еще мало знали друг друга, и неудивительно, что предводитель итальянских фашистов (тогда мы впервые услышали это проклятое слово) был изображен мною без должного портретного сходства, в костюме классического итальянского разбойника XVIII века и с большой косматой бородой. Потом мы стали гораздо чаще встречаться на газетных полосах, я уже хорошо знал наружность «дуче» по фотографиям, и борода, естественно, начисто исчезла, сменившись толстым бритым подбородком. Наряду с Чемберленом, а потом и с Гитлером Муссолини стал одним из самых стабильных «клиентов» политической карикатуры. Он, если можно так выразиться, не вылезал из-под карандашей советских карикатуристов или, применяя ходкое выражение, получил постоянную прописку в нашей злободневной сатире.

Между прочим, раз мы уже заговорили о Муссолини, стоит, пожалуй, упомянуть об отнюдь не иносказательной, а самой настоящей, фактической встрече с Муссолини, имевшей место в Риме в 1929 году. Не буду скрывать, что персональным приглашением от «дуче» я не располагал и очутился в его резиденции в составе группы советских авиаторов и журналистов, прилетевших в Италию на самолете «Крылья Советов» марки АНТ-9, совершавшем круговой перелет по странам Европы. Муссолини принимал нас в качестве министра авиации, каковой пост он занимал по совместительству с должностями министра военного, морского, иностранных дел, внутренних дел, труда и колоний, а заодно и председателя совета министров. Кстати сказать, карикатура на эту тему, изображавшая Муссолини, взгромоздившегося на шаткую пирамиду из поставленных одно на другое министерских кресел, была незадолго до этого опубликована в «Известиях». Называлась она «На высоте положения». С понятным любопытством разглядывал я свою живую сатирическую «натуру». Муссолини принимал картинные позы, по-наполеоновски скрещивал руки на груди, задавал какие-то вопросы из области авиации и, величественно кивая головой, выслушивал ответы.

Личных контактов с Муссолини у меня больше не было, но сатирические связи с ним я, как и другие советские карикатуристы, не порывал еще долго. В поводах для этого недостатка не было: разбойничье нападение на Эфиопию, наглая интервенция против Испанской республики, участие в гитлеровской агрессии против СССР и разные другие этапы фашистской карьеры «дуче», которая началась в Милане, вознесла его «на высоту положения» и в положенный срок закончилась, как известно, там же в Милане и тоже на весьма «высоком уровне» — его труп был подвешен за ноги на перекрытии бензоколонки.

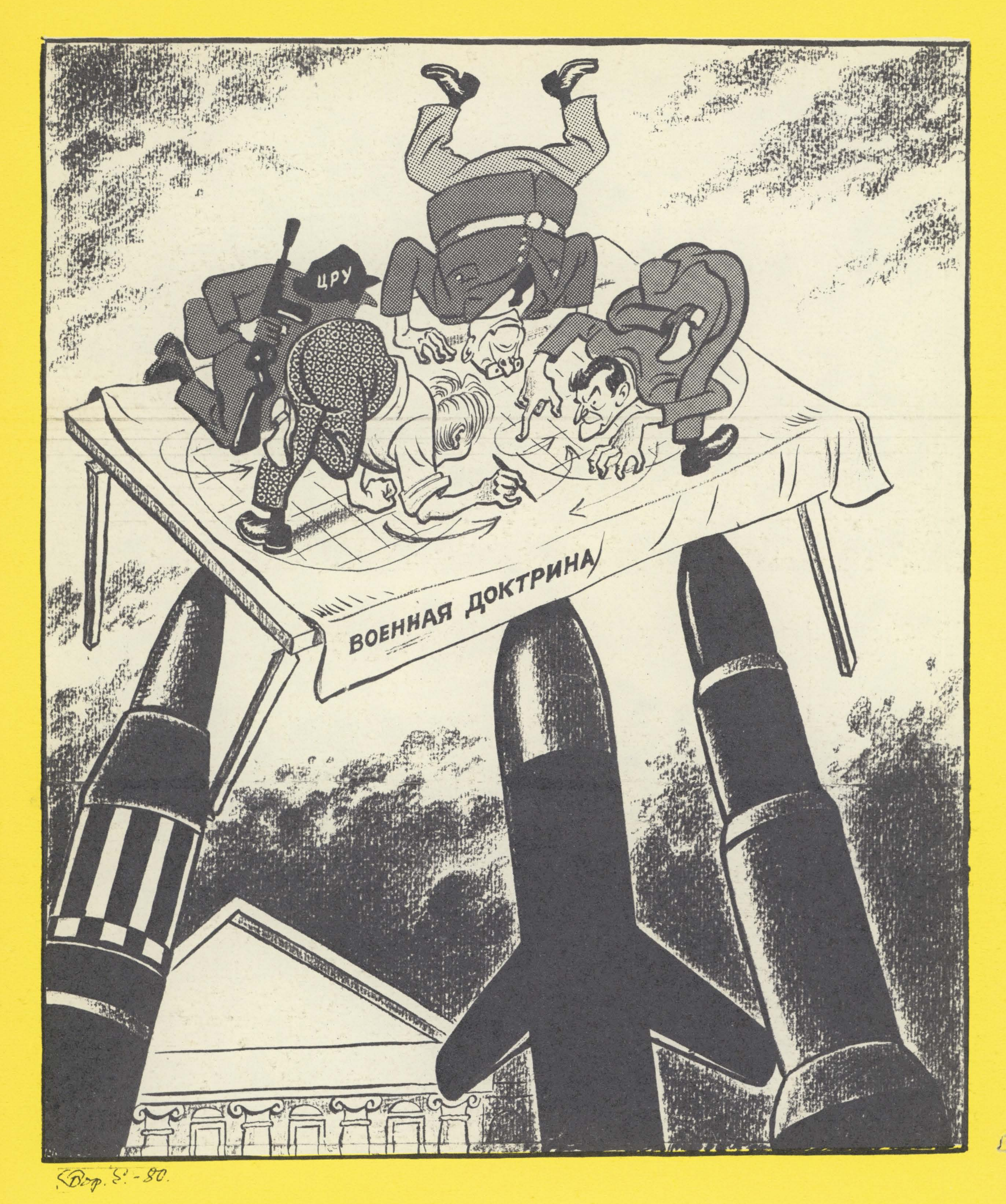
В этом смысле плачевная судьба Муссолини, так же как и его дружка Гитлера, весьма символична и поучительна. И мне думается, что нет надобности вспоминать другие объекты наших сатирических стрел, имена которых можно найти, только основательно порывшись в старых комплектах газет. А если мы, карикатуристы, иногда извлекаем из «сатирического музея» полуистлевшие фигуры зловещих антикоммунистов, то только как предупреждающие примеры бесплодности антисоветских замыслов.

История — отличный учитель, но, к сожалению, не все способны усвоить ее уроки. Многим они не идут впрок.

Многократно усиленные современными техническими средствами «массовой информации», разносятся по планете истошный антисоветский вой, угрозы и нахальные разглагольствования о «жизненных интересах» США в любой точке земного шара.

Успокойтесь, господа! Не раз мы все это слышали и, как видите, никогда не пугались. Ваши воинственные потуги, прыжки и кривляния мы, как и в былые времена, используем как отличные сюжеты для сатиры. Но не забывайте, что в распоряжении Советского Союза имеются не только карикатуры и он держит сухим не только сатирический порох.

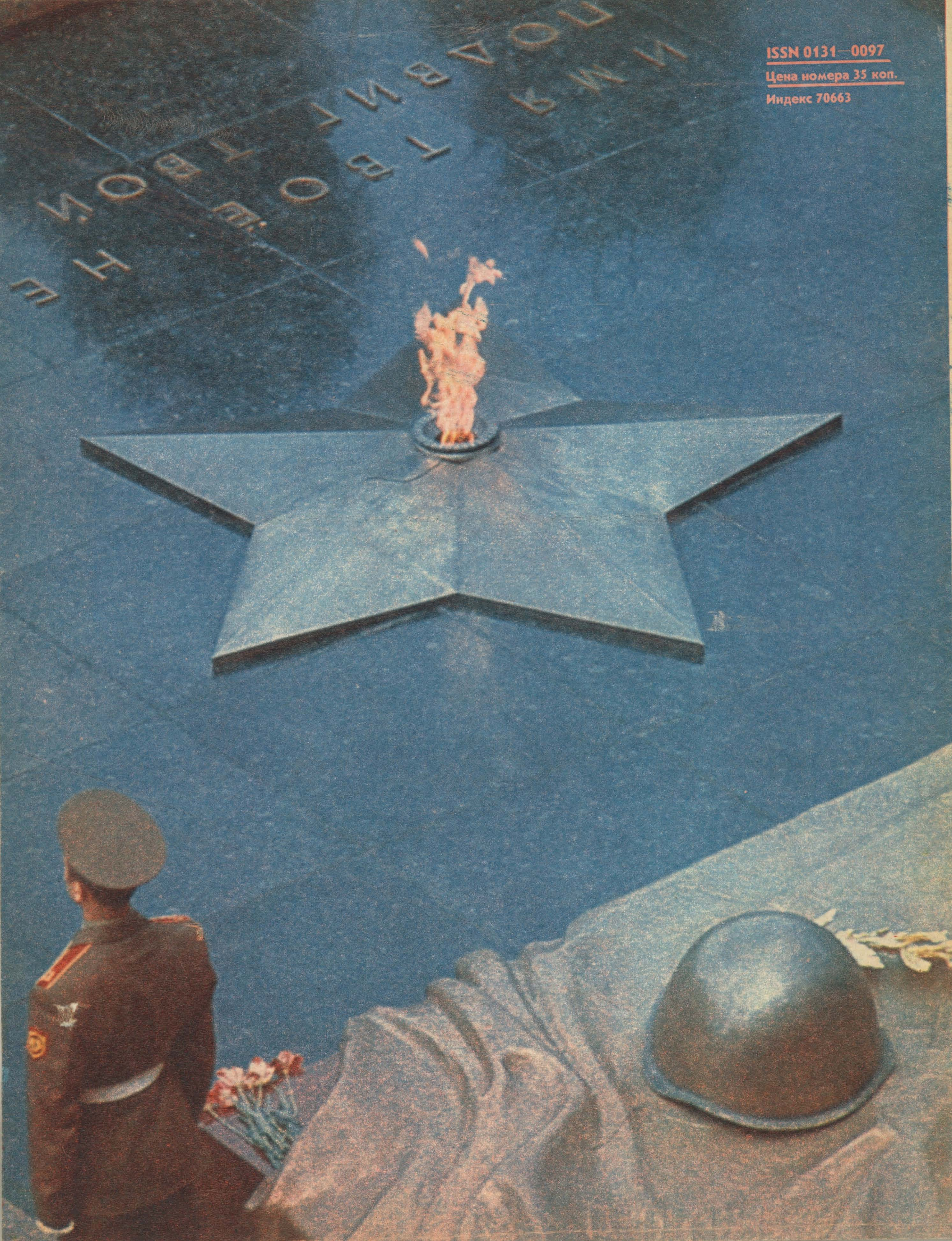
А в мусорном ящике истории найдется местечко и для вас.

Бор. Е.-80.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунок
Бор. ЕФИМОВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663